

П. С.

fol. 4

B. P.

~~N~~ 531.

Въ сентябре и октябре 1778 году

1/ Оныхъ академическихъ известiя, оправленiя и описанiя [illegible]

нок — — — — 30

2/ разсужденiе о употребленiи торфа и каменного угля — 40

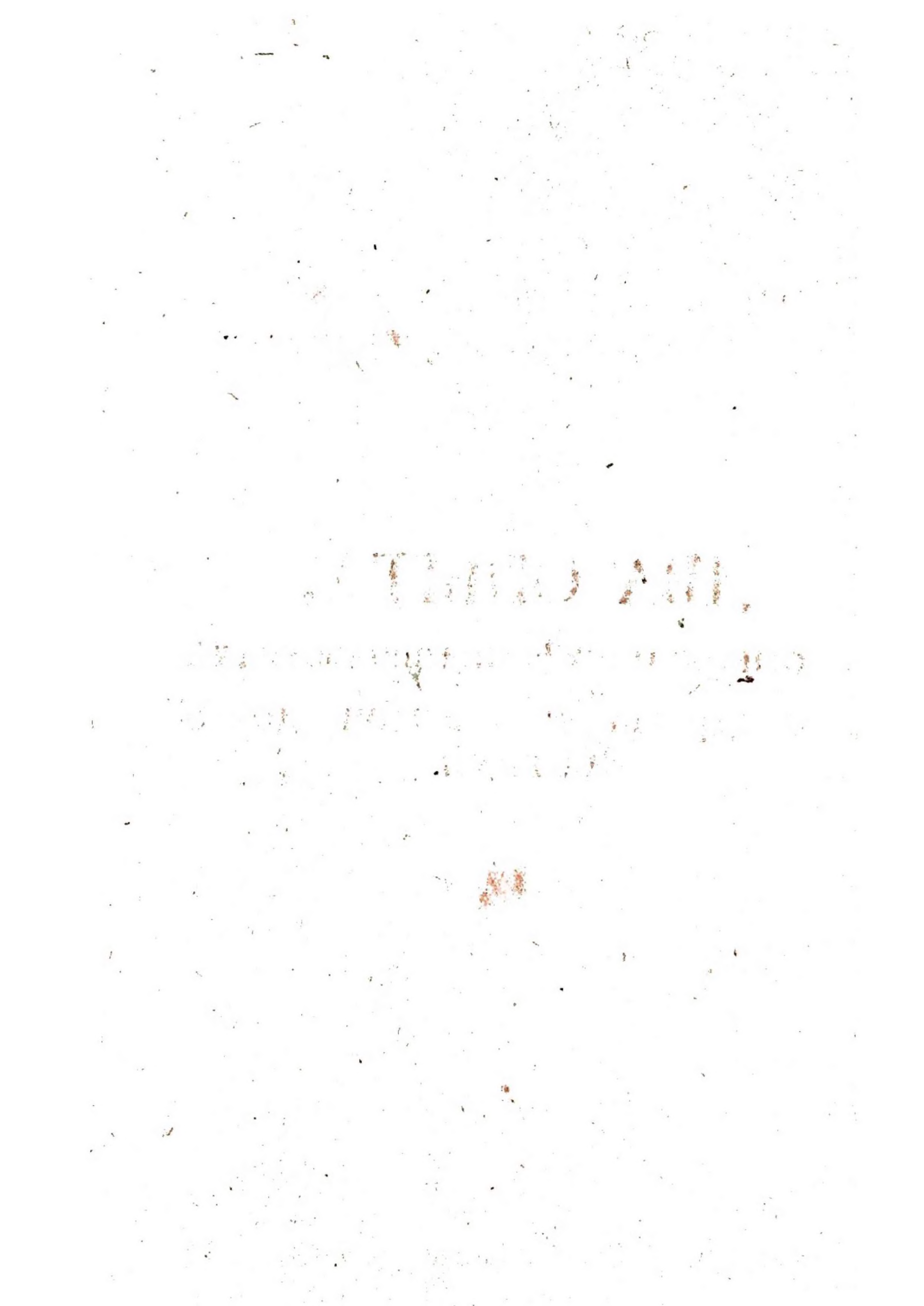
3/ Утверждение о хлебе и [illegible] — — — — 20

4/ Краткое описание [illegible], [illegible] привлеченныхъ въ армiяхъ, съ приложенiемъ [illegible] [illegible] — — — — 30

120

За переводъ — — — 40

160

ОПЫТЪ

О НАРОДНЫХЪ НЕДОВОЛЬСТВАХЪ

ИЗЪ

СОЧИНЕНІЙ

ШЕВАЛЬЕ ВИЛЬГЕЛЬМА

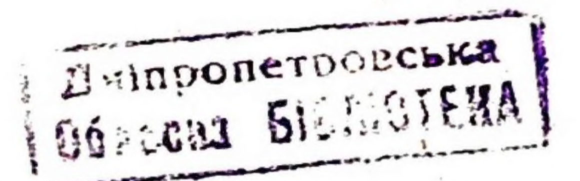
ТАМПЛЬ

ВЕЛИКОБРИТАНСКАГО

ВО МНОГИХЪ ВАЖНЫХЪ НЕГОЦІАЦІЯХЪ

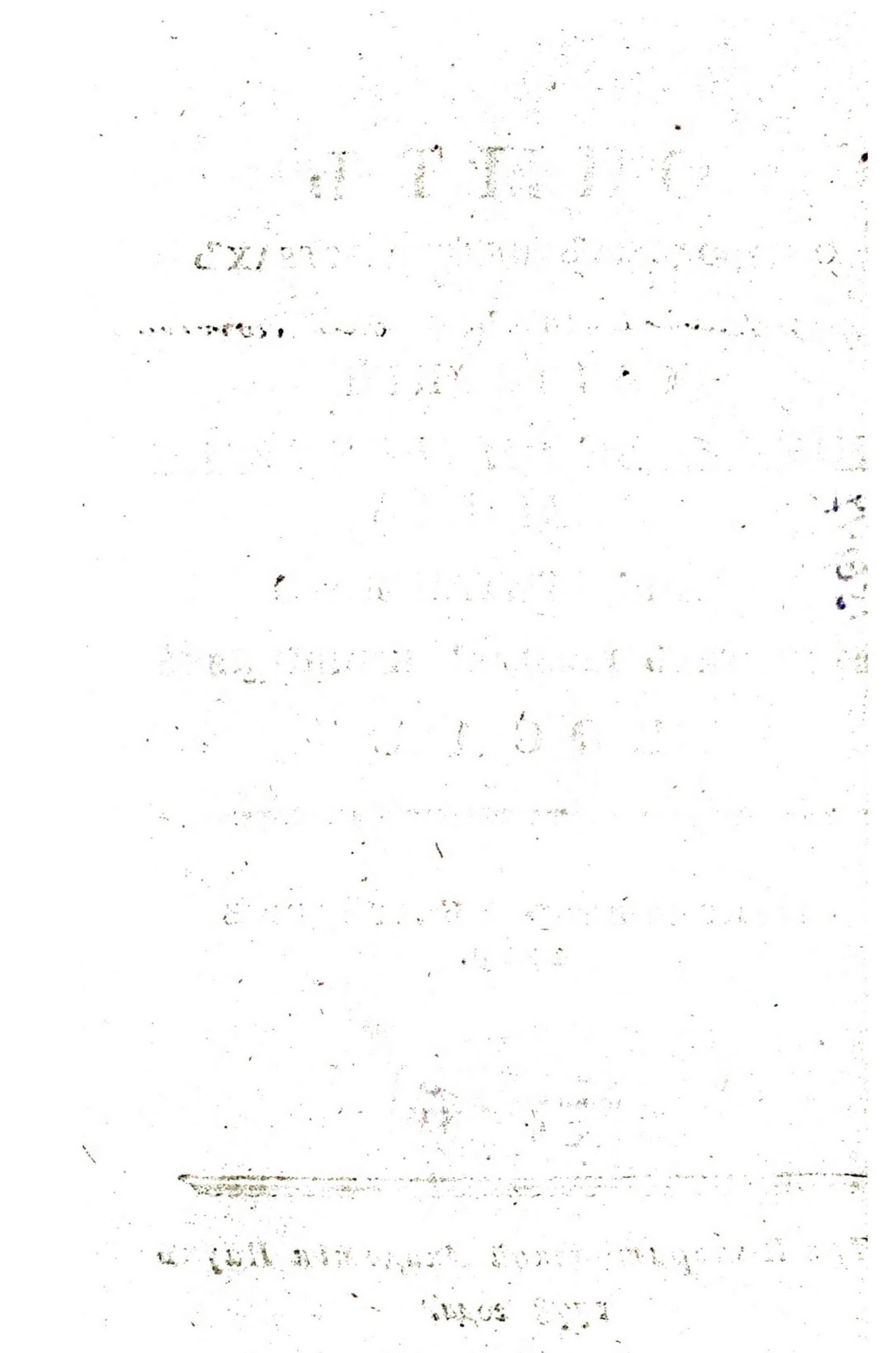
ПОСЛА.

Напечатанъ въ Лейденѣ
1719.

При Императорской Академіи Наукъ

1778 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Все, что поынѣ въ печать издано изъ сочиненій Шевалье Тампль, съ такою всеобщею принято похвалою, что чаятельно полезную и пріятную обществу услугу показать можно, доставленіемъ оному и послѣднихъ трудовъ, по смерти его уже изданныхъ, къ которымъ въ Англіи такоежъ любопытство и желаніе оказывали, какъ и къ отысканію всѣхъ прочихъ его сочиненій.

Онъ написалъ сіи два опыта о народныхъ недовольствахъ, да о здравіи и о жизни долголѣтней, за нѣсколько только лѣтъ предъ своею кончиною; однакожъ просмотрѣлъ и выправилъ ихъ самъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ другіе еще къ тому прибавить; и все то издать третіею частію къ напечатаннымъ уже ево разнымъ сочиненіямъ, которыя столь охотно и съ толикою въ свѣтѣ пріятностію читаны были. Но непрестанныя въ послѣднихъ его го-

дахъ немощи до того ево не допустили.

Всѣмъ извѣстно, что по Нимвегскомъ трактатѣ господинъ Тампль пожелалъ отъ дѣлъ отстать. Король Карлъ II. обыкновенно говаривалъ объ немъ, что Тампль такой человѣкъ, которому по неволѣ и нѐхотя вѣрить надобно и должно. Сей Король отличное всегда оказывалъ къ нему почтеніе, какъ по его достоинству, такъ и по великимъ его службамъ; и жаловалъ ему одно изъ первыхъ въ государствѣ мѣсто. Но онъ отъ того отрекся съ твердостію; да еще съ такимъ великодушіемъ, которому ни довольной хвалы, ни довольнаго удивленія оказать не можно. Не хотѣлъ онъ въ дѣла вступать при такихъ обстоятельствахъ, по которымъ довольно видѣлъ, что совсемъ былобъ ему не возможно времени угождать; а притомъ и должность свою къ отечеству исполнять. Самъ объявляетъ онъ, что ни большей любви, ни большаго почтенія никто, ни

когда

когда къ отечеству не имѣлъ; но при томъ удостовѣренъ находился, что всѣ его старанія были бы и напрасны и тщетны въ сопротивленіи господствующей тогда факціи; и тѣмъ намѣреніямъ, которыхъ слѣдствіе Англіи, да почти и всей Европѣ, столь злоключительны потомъ стали. Такимъ образомъ онъ отъ всего удалился; изъявя оставшимся при дѣлахъ слѣдующее желаніе: „большаго искуства нежели онъ имѣлъ, а намѣренїи столь же добрыхъ, каковы онъ „имѣлъ, успѣховъ лутчихъ и случаевъ полезнѣйшихъ, дабы они „достойнѣе дѣла́ исправляли.„

Король Вильгелмъ III., къ которому сей Министръ всегда глубокое имѣлъ почтеніе, какъ о томъ всѣмъ читавшимъ его негоціаціи извѣстно, вступилъ на престолъ по славной въ Англіи премѣнѣ; и тѣмъ покой и тишина возстановлены въ ономъ государствѣ, которое доведено уже было почти до самой погибели. Преславной тотъ защититель вольности Ев-

ропейскія, желалъ господина Тампля взять ко двору; но и тогда онъ отъ намѣренія своего не отсталъ. Къ томужъ по непрестаннымъ немощамъ своимъ и служить былъ уже не въ состояніи, а довольствовался только, оному Монарху и любезному отечеству желать въ предь таковажъ благословенія и благополучія, каковы Богъ тогда имъ даровалъ толь дивнымъ и толь чудеснымъ образомъ.

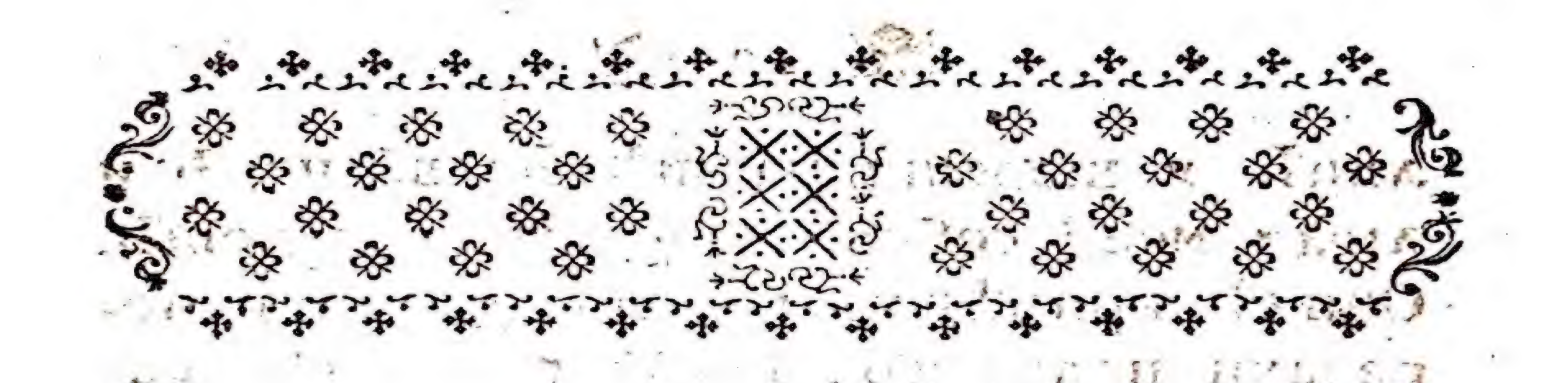
Сему тихому житію одолжены мы за оставленныя его сочиненія. Ни уединеніе, ни отъ дѣлъ удаленіе не препятствовали ему мыслить о средствахъ, которыми бы могъ услужить, и быть полезнымъ отечеству. Онъ, сколько ему было возможно, и сколько слабость здравія его допущала, непрестанно старался поспѣшествовать общему благу; къ чему всегда главное его намѣреніе склонялося, и то одно только въ виду онъ имѣлъ при всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, какъ о томъ и самъ написалъ въ началѣ опыта о здравіи и долголѣтствіи.

Госпо:

Господинъ Тампль былъ нрава живаго и пріятно веселаго. Ни кто лучше его не могъ бѣседу подостприть и разговоры увеселить остроумными затѣями. Нѣкоторые и то еще примѣтили, что онъ у кого бы ни похотѣлъ искать милости, никогда въ оной отказывано ему не было. Весь наполненъ былъ почтенія къ истиннѣ. Совершенно удостовѣренъ, что никогда вѣрить не должно тому, кто однажды обманетъ. Честность его была строгая и крайне осторожная. Съ природы человѣколюбивъ и милосердъ; поставлялъ за свое щастіе когда другова щастливымъ могъ дѣлать. Рожденъ со страстьми живыми и пресильными, въ которыхъ однако разумъ его и разсужденіе всегда были свободны. Въ прочемъ хотя забавенъ и веселъ, но весьма былъ и перемѣнчивъ; а происходило то отъ меланхолическихъ дѣйствъ, и отъ подымающихся злыхъ паровъ, или по неожиданной и скорой въ погодѣ перемѣнѣ, или когда поручаемыя ему дѣла вдругъ и нечаянно на ху-

доe и противное обращалися. Былъ онъ до женитьбы любовникъ страстныи; мужъ по томъ вѣрныи и нѣжныи; Отецъ чадолюбивыи и терпѣливый; Господинъ къ служителямъ предобрый, другъ друзьямъ наилучшіи. Когдажъ ково ненавидѣлъ, то уже ненависть его была такова, что ни встрѣтиться безъ смущенія, ни говорить безъ огорченія ни какъ не могъ. Вѣдая свою запальчивость при такихъ случаяхъ, когда принужденъ бывалъ противъ кого спорить или на кого жаловаться, избѣгалъ и ненавидѣлъ того всячески, говоря: что жалобы могутъ къ чему нибудь послужить между любовниками, а между друзьями никогда и ни къ чему они не годны. Онъ всегда разговоры свои обращалъ на пріятное и веселое, наипачежъ при столѣ, къ которому угрюмость, говаривалъ онъ, и приближаться не должна. Скончался онъ на семдесятомъ году жизни своея, въ лѣто 1698; сожалѣемъ всѣми учеными людьми, наипачежъ любящими добродѣтель.

) o (

ОПЫТЪ
О НАРОДНЫХЪ НЕДОВОЛЬСТВАХЪ.

По любопытству или по праздности трудившіися изыскать особливыя качества, отличающія человѣка отъ прочихъ животныхъ, главнѣйшими постановили пять: образъ, смѣхъ, плачь, слово и разумъ. Но находилися люди, выше обыкновенныхъ примѣчаній возходящіе, которые показывали, что большая изъ тѣхъ качествъ часть не столько человѣку свойственны, чтобъ не можно подобныхъ находить и въ другихъ тваряхъ. Напримѣръ: нашли они во образѣ столько сходства между нѣкоторыми обезьянами и человѣкомъ, что они почти во всемъ между собою сходны, кромѣ вида въ лицѣ

лицѣ и шерсти на тѣлѣ; въ чемъ и люди межъ собою много разнствуютъ. Онижъ примѣчаютъ, что елени и черепахи плачутъ, когда смертное какое къ нимъ приближается орудіе; и что тѣ и другія кричатъ при смерти, равно какъ мы при рожденіи. Чтожъ касается до рѣчи или слова; неизвѣстно, отзываются нѣкоторые естества испытатели, не имѣютъ ли разныя голосовъ испущенія какихъ нибудь разныхъ знаменованій, подобно какъ и произглашаемыя нами слова; и что они въ сумнѣніи остаются, чтобъ мы о разнотѣ оныхъ довольно разсуждать были въ состояніи, когда столь мало разноты находимъ въ природномъ у нѣкоторыхъ народовъ языкѣ, наипачежъ около мыса Доброй Надежды и въ сѣверныхъ Россійскихъ краяхъ; гдѣ примѣчается, что жители тамошніе торгъ мяхкой рухляди отправляютъ, не употребляя больше двадцати разныхъ словъ и съ тѣми, которые языкъ ихъ разумѣютъ. Многорѣчіе кажется и съ естествомъ не сходствуетъ; а ввелося оно по видимому чрезъ разныя страсти, дѣйства

ства, владѣнія, дѣла и чрезъ разговоры въ учтивыхъ народахъ, а по томъ подъ гражданскими правительствами. Сверьхъ того не согласиться не можно, что прочія твари изражаютъ самыя естественныя потребности, да еще и самыя ихъ страсти, чрезъ голосъ, такъ же какъ и люди, въ чемъ вся нужда рѣчей и состоитъ. Никогожъ не сыщется, ктобъ спорить могъ, что мы изражаемъ гнѣвъ, желаніе, любовь, страхъ, съ большею живостію, нежели тожъ дѣлаютъ левъ, конь, быкъ, и лось; а нѣжность съ большимъ жаромъ, какъ овечка къ ягняткамъ чрезъ блеяніе, или какъ горлицы къ ихъ самцамъ. Чтожъ принадлежитъ до голоса въ слова́ обращаемаго, то попугай и другія птицы тожъ дѣлаютъ. А ежели скажетъ кто, что тому ихъ обучаютъ, мы такъ же дѣтей нашихъ обучаемъ, и хотя обыкновенно то пріемлется яко затвержденіе, или подражаніе, однакожъ въ нашемъ вѣкѣ противные тому видали примѣры: у Греческихъ же и Латинскихъ творцовъ находимъ и то, какъ древніе вѣрили, будто въ Индіяхъ бывали такія птицы,

цы, которыя говорили какъ наши попугаи, да еще и въ цѣлые вступали разговоры.

О смыслѣ или о разумѣ у животныхъ, а именно: у лошадей, у совы, у лисицъ, а больше всѣхъ у слоновъ, столько уже извѣстно, что примѣровъ къ тому выписывать нѣтъ нужды, да еще и за невозможное поставляю что либо прибавить сверьхъ того, что ПЛУТАРХЪ, ЕЛІАНЪ, МОНТАНЬЙ, и другїе многїе о томъ написали. Мы безъ удивленїя и смотрѣть не можемъ на то, что ежедневно подобнаго тому видимъ. И такъ изъ всѣхъ здѣсь упомянутыхъ и обыкновенно представляемыхъ разностей, ни одной нѣтъ, о которой бы любопытные не сомнѣвалися, кромѣ *смѣха*, въ чемъ никогда и спору не бывало, и быть не можетъ. Ибо смѣхъ особливо свойственъ человѣку, и ни малѣйшаго къ тому слѣда или подобїя не находится ни у какихъ другихъ тварей. Ежели бы смѣхъ всегда былъ знакъ веселости и удовольствїя, великую мы имѣли бы причину тѣмъ славиться. Но какъ часто смѣхъ происходитъ

ходитЪ отЪ причинЪ со всѣмЪ тому разнствующихЪ , по тому не много онЪ и уважается , наипачежЪ когда мы глупости и дурачеству столькожЪ смѣемся , какЪ чему нибудь умному ; приключеніямЪ же нѣкогда досаднымЪ, равно какЪ и пріятнымЪ; а пакостямЪ обезьяниным , такЪ какЪ и дѣтскимЪ забавамЪ. СверьхЪ того и то еще подлинно , что дѣйства наибольше насЪ веселящія , и пріятнѣйшія , часто на лицѣ нашемЪ и вЪ сердцахЪ нашихЪ производятЪ движеніе совсемЪ и весьма отЪ смѣха отмѣнное.

Но есть между нами и протчими тварьми другая еще разность , которая при обыкновенныхЪ о томЪ разсужденіяхЪ и изысканіяхЪ хотя меньше всего примѣчается , однако кажется требуетЪ всего нашего раченія, будучи оная , такЪ какЪ и протчія, мало спорима. Видится , что то есть весьма злое дѣйство , отЪ весьма добрыя причины ; терніе между кринами произрастающее , и приводящее до подлости и до послѣдняго истощанія самое высочайшее рода человѣческаго преимущество , то есть *разумЪ*. Я

ра-

разумѣю тѣмъ *нѣкакое безпокойство духа и мыслей*, которое, кажется, повсемственно къ нашему естеству и состоянїю, такъ нераздѣльно и неразлучно присовокуплено, что мы сами собою, ниже тѣмъ, что имѣемъ никогда не довольны. Всегда желаемъ чего нибудь или изъ минувшаго, или изъ будущаго; и непрестанно прерываемъ и разтлѣваемъ чрезъ досады, печали, грусти, желанїя, опасности, всѣ и всякїя чувствъ и воображенїй нашихъ прїятности и забавы. Имѣнїями нашими, да и лутчими разума нашего плодами не пользуемся; слѣдовательно ни довольствїемъ ни благополучїемъ жизни нашея.

Общїй то и естественной источникъ жалобъ домашнихъ, и недовольствъ какъ особенно каждаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ. Отъ того мы радостно веселиться не можемъ нашею жизнїю, нашимъ состоянїемъ и нашими имѣнїями; отъ того мятутся государства, вредятся гражданскїя правленїя; то доводитъ до самаго верьха особенное каждаго, и общее рода человѣческаго бѣдствїе.

Всякъ

Всякъ, кто о томъ съ разсужденїемъ ни примѣчалъ по обыкновеннымъ дѣйствїямъ и по страстямъ человѣческимъ, съ рыданїемъ оное зло оплакивалъ; наипачежъ въ разсужденїи возмущенїй, бунтовъ, замѣшательствъ и премѣнъ злоключительныхъ, которыми толь часто и по вся почти вѣки большая часть владычествъ мїра сего раздираемы были.

Спарта и Аѳины напредъ сего чувствовали то надъ собою, равно какъ Карѳагенъ и Римляне; малые королевства Епирское и Македонское, равно какъ великїя Имперїи, Египетская и Персидская: Монархїи, Аристократїи и Демократїи между язычниками, а Ѳеократїя между Іудеями; хотя одно изъ правительствъ сихъ Божїяго было установленїя, изъ прочихъ же многїя основаны мудрѣйшими изъ смертныхъ. Венецїя и Голландїя заражены были тоюжъ бѣдою въ послѣдовавшихъ вѣкахъ, равно какъ Англїя такъ и Францїя; королевство Маврїйское въ Испанїи, равно какъ и Готѳское; правительствы Христїанскїя, равно какъ и Махометанскїя; а

 вѣра

вѣра реформатская, равно какъ и римскопапежская.

Толь общее и толь сродное человѣкомъ безпокойство духа, есть такое злое зелїе, которое произрастаетъ по всѣмъ землямъ и по всѣмъ климатамъ. Однакожъ кажется тучнѣе ботѣетъ и скорѣе подымается въ лучшихъ странахъ, нежели въ прочихъ. Оно глубже вкореняется въ смыслахъ живыхъ и умныхъ, нежели въ грубыхъ и непроворныхъ. Отъ того Гвинейская и Лапландская страны оною не такъ сильно заражалися, какъ Италїйская и Греческая. Наиболше мыслящїе люди больше усматриваютъ и больше разсуждаютъ; и сколь человѣкъ умнѣе, столь хитрѣе онъ самъ себя мучитъ.

Отъ тогожъ родника изтекаютъ стремленїя возмутительныя, которыя съ помощїю времянъ и приключенїй потопляютъ самыя мудрыя правленїя и законы. Наилучшихъ Государей и истинныхъ гражданъ дѣлаютъ тираннами и нарушителями покоя ихъ отечества; доводятъ до казни такихъ людей, которые достойныбъ были

вѣч-

вѣчнаго почтенія; а до насильствен-ной и преждевременной смерти тѣхъ, кто бы заслуживалъ жить наибольше и благополучнѣе. Ежели бы на жертву отъ заговоровъ и отъ народной ярости предавалися только такіе, какъ *Фаларисъ* и *Агаѳоклъ*, *Марій* и *Катилина*, ни малѣйшей не подавалося бы причины жаловаться и удивляться. Но видимъ, что мудрѣйшіе и лучшіе люди предъ тѣмижъ идолами пожерты. *Солонъ* и *Пиѳагоръ* таковыми почиталися не токмо во время жизни ихъ, но и во всѣ по томъ слѣдовавшіе вѣки; однако одинъ выгнанъ, а другой убитъ, при возмущеніи поднятомъ двумя высокомѣрными, въ тѣхъ самыхъ республикахъ, которыя сими двумя превосходными и мудрыми мужами основаны. Два брата *Гракхи* страстно отечество свое любившіе, немилосердой преданы смерти. *Сципіонъ* и *Ганнибалъ* величайшіе и славнѣйшіе въ свѣтѣ полководцы, и лучшіе двухъ великихъ, Карѳагенской и Римской республикъ слуги, выгнаны или впали въ немилость, чрезъ бывшіе въ земляхъ ихъ заговоры. Мо-

жно сыскать и ближайшіе тому примѣры: *Барнеель* и *де Витъ* въ Голландіи; Шевалье *Томасъ Моръ*, Графъ *Эссексъ* и Шевалье *Валтеръ Ралейгъ* въ Англіи, великими мужами во свое время почитаемые, погублены заговорами ихъ дворовъ или земель ихъ.

Нѣтъ ни пространнѣе, ни легче къ разсужденіямъ матеріи; ниже обыкновеннѣе и правоказистѣе, какъ та, въ которой показываютъ пороки и разтлѣнія правительствъ, хищенія градоначальниковъ и произносимыя по тому жалобы. Всего легче то пріемлется и скоряе всего разпространяется между благонамѣренными. Ни при чемъ столько лжи не вымышляютъ, ни столь злостно не употребляютъ вредныхъ и прикрытыхъ умысловъ; никогда ни правительства, ни времени такого не бывало, которое отъ того было бъ избавлено, и никогда тому и быть не возможно, пока всѣ люди не будутъ мудры, добродѣтельны и къ удовольствованію не удобны. Нѣтъ такого политическаго или гражданскаго установленія, которое могло бъ быть совершенно и наде-

надеждно, пока оно составляемо будетъ изъ членовъ большею частїю пристрастныхъ, сребролюбивыхъ, неправедныхъ и неумѣренныхъ, которые всѣ безъ изъятїя бываютъ съ природы не терпѣливы, безпокойны, не довольны настоящимъ, ниже тѣмъ, чемъ владѣютъ; не мыслятъ какъ о будущемъ, слѣдовательно всегда склонны къ желаемой ими перемѣнѣ.

Отъ того произходитъ во всѣхъ по вселенной правительствахъ первой порокъ, для котораго древнїе философы вмѣсто исканїя или принятїя на себя градоначальствъ и чиновъ въ ихъ земляхъ, употребляли всѣ свои попеченїя и все свое время; а украшенїе разума, на приведенїе въ умѣренность склонностей, на умягченїе страстей, на показанїе суетности и бѣдъ бываемыхъ отъ спеси, отъ гордости, отъ богатствъ и отъ роскошей; будучи удостовѣрены, что одинъ только способъ можетъ отечество ихъ учинить благополучнымъ и привесть оное въ безопасность, то есть: когда люди въ немъ будутъ мудры, добродѣтельны, справедливы и благоразсудны.

судны. Но какъ естество всегда пребудетъ сильняе науки, по тому сіи великіе учители не больше успѣха въ ихъ намѣреніяхъ получили, какъ и законодавцы при положеніи основанія совершенныхъ правительствъ; а оставили міръ почти таковымъ же каковымъ его нашли, всегда безпокойный, отмѣнамъ и премѣнамъ подверженный, равно какъ и духъ нашъ подверженъ недовольствамъ, а тѣло болѣзнямъ.

Есть еще другая причина непорядкамъ въ государствахъ, и недовольствамъ во всѣхъ правительствахъ. Произходитъ оная отъ неравенства состояній, въ которомъ необходимо находиться принуждено толь великое число разныхъ людей государства составляющихъ. Въ многочисленныхъ народахъ мало бываетъ рожденныхъ къ великимъ чинамъ и къ великимъ богатствамъ; не многожъ и такихъ, которые могли бъ возводимы быть на степени и въ достоинства, знатность и власть дающія; а мало тѣхъ, кто бъ своимъ искуствомъ и промысломъ достизалъ до высокой степени благополучія. Всякъ обо всемъ говоритъ

со-

согласно съ тѣмъ, что ему полезно. Всѣжъ люди сами собою и собственнымъ своимъ достоинствомъ довольны; но щастіемъ своимъ никогда, или очень рѣдко. Когдажъ другихъ видятъ въ лучшемъ состояніи, къ которому себя за достойнѣе признаваютъ, обвиняютъ въ томъ худое разсмотрѣніе правительства, пристрастіе или немилость государскую, небреженіе или разтлѣніе министровъ, а простой народъ непрестанно жалуется на время и на погоду; да необходимо и надобно ему въ томъ быть праву. Ибо купецъ пользуется миромъ, а солдатъ войною; пастухъ дождями, а земледѣлецъ вѐдромъ. Когда городъ становится люденъ, тогда крестьянъ по деревнямъ убываетъ; когда торгъ въ одномъ мѣстѣ умножается; тогда въ другомъ умаляется. И такъ не можетъ быть странно, ежели по такой разнотѣ состояній, и по такому житію разнообразному намѣренія и пользы людей частныхъ между собою противны: ибо безъ того и уравнительныхъ не могли бы они имѣть успѣховъ. Выигрывающіе смѣются ль или

 нѣтъ,

нѣтъ, то все одно? Но проигрывающіе не преминутъ жалобы произносить; а вмѣсто того, чтобъ пенять на свое искуство, или на свое щастіе, попрекать будутъ костямъ, игрокамъ, и самому хозяину. Когда человѣкъ раздраженъ, неминуемо долженъ онъ выговаривать и произносить жалобы и хотя нещастія отъ худыхъ погодъ бываемыя, къ чему ни какаго поправленія сыскать не возможно, такъ же не предвидимыя приключенія, и не предусматриваемыя ошибки, часто приписуются правительству: но какъ бы то ни было, только производятъ одинакое дѣйство разгласкою и умноженіемъ недовольства народнаго.

Сверьхъ природной склонности, и сверьхъ неизбѣжныхъ къ жалобамъ случаевъ, происходящихъ или отъ состоянія человѣческаго, или отъ приключеній щастія, бываютъ еще другія проистекающія изъ самаго существа правленія. Никогда не находилося правленія совершеннаго, ниже такаго, въ которомъ бы не можно доказать справедливыхъ изъятій. Аѳинская, Карѳагенская, и Римская республики, толь

въ

въ свѣтѣ славныя, и столько исторій, какъ знатнѣйшихъ дѣйствъ, такъ и дѣлъ мужей величайшихъ намъ оставившія, подвержены однако были непорядкамъ и перемѣнамъ непрестаннымъ: завсегда озлобляемы утѣсненіями благородныхъ, возмущеніями народа, наглостію солдатства, и тиранствомъ генераловъ. Во всѣхъ мѣстахъ, и во всѣхъ отъ сотворенія міра вѣкахъ, находимъ мы подобные тому примѣры. Хотябъ мы прошли до самаго Китая и до Перу для сысканія лучше по видимому установленныхъ правительствъ, не найдемъ однакожъ ни одного, которое бъ и тамъ не подвержено было подобнымъ колебаніямъ, и которое ранѣе или позже не претерпѣло бы такихъ же болѣзней и слабостей государственныхъ, или междоусобными войнами, или нашествіемъ иноплеменныхъ.

Да возможноль тому и быть инаково, когда нашли что переговаривать и въ самыхъ только умственныхъ начертаніяхъ о правительствѣ, равно какъ о формѣ оныхъ и о ихъ установленіяхъ. Платонова республика, Гоб-

бесїево княженїе, нашлися съ пороками многими и со слабостьми великими. Да еще и въ разноте родовъ правительства ни одного нетъ, въ которомъ кто нибудь не находилъ бы пороковъ. Монархическое отяготительно народамъ, въ пределахъ стесненное, опасно для государя; Аристократическое подвержено ревенїю вельможъ и притесненїю народа; Демократическое частымъ терзанїямъ и волнованїямъ народнымъ. И какъ тиранство обыкновенно производитъ возмущенїя народныя, такъ сїи часто перераждаются въ тиранство; ибо всякїе заговоры бываютъ столь сильны и ядовиты, что лучше согласятся подвергнуть себя всему другому, нежели чтобъ другъ другу верить.

И такъ изысканїе совершеннаго правительства по видимому столькожъ трудно и напрасно какъ изобретенїе общаго отъ всякихъ болезней лекарства, или Философскаго камня. Мы всегда въ виду и въ памяти ихъ имеемъ, да въ рукахъ держать того никогда не будемъ.

А хотябъ могли мы вымыслить политической корпусъ самой, при первомъ его установленіи, совершенный; но и тотъ былъ бы перемѣнамъ подверженъ, не токмо силою приключеній, но единственно самою застарѣлостію; и по томъ необходимо бъ дошло и оной по нѣкоторомъ временъ обращеніи переправлять, или приводить на первобытныя его началы чрезъ оказаніе и самое дѣйство нѣкоторыхъ великихъ добродѣтелей, или нѣкоторыми великимижъ строгостями. Флорентинцы называютъ то въ ихъ республикѣ *Ripigliare il Stato*; а Римляне тожъ часто дѣлали введеніемъ закона о раздѣлѣ земель, токмо безъ всякаго успѣха; ибо вопреки тому намѣренію возпламенялися у нихъ тѣмъ всякаго рода вражды, и произходили отъ того новыя между богатыми и убогими ссоры.

Всякія области находятся раздѣлены на двое между невинными и виноватыми; да еще между тѣми, кто нѣкоторымъ образомъ доволенъ или наслѣднымъ своимъ владѣніемъ, или отъ своего искуства, вымышленій, и

еко-

економіи, ожидаемымЪ; и между таkими, которые не будучи довольны своимЪ имѣніемЪ настоящимЪ, и не прилѣжа больше еще кЪ тому пріобрѣтать дозволенными способами, принуждены прибѣгать кЪ другимЪ средствамЪ, и переходить изЪ правосудія вЪ неправосудіе, изЪ тихости вЪ насиліе. Первые желаютЪ мира и соблюденія того, что имѣютЪ; вторые отваживаются на опасности; вЪ надеждѣ достать себѣ то, чемЪ другіе законно владѣютЪ. Одни настоящимЪ правительства состояніемЪ довольны, и стараются оное подкрѣплять; другіе же желаютЪ видѣть конецЪ отечеству, дабы основать новое. Одни ищутЪ утвержденія законовЪ, другія власти безпредѣльныя. Но когда и сіи послѣдній чрезЪ возмущенія, непорядки, грабительства, и насильства, щастіе свое уже найдутЪ, тогда и они при перемѣнѣ ихЪ состоянія, перемѣнятЪ и свои правила, и пристанутЪ сами кЪ подкрѣпленію порядка и законовЪ. ТакимЪ образомЪ древніе Норманны по раздѣленіи между собою отнятыхЪ у АгличанЪ земель и имѣній, ревностными

ными стали защитниками древнихЪ Саксонскихъ порядковЪ , или обыкновенныхЪ Аглинскихъ законовЪ , противу нарушителей оныхЪ собственныхЪ королей своихЪ. Примѣчено такЪ же вЪ недавномЪ времени , что офицеры Кромвелевой армїи , которые сЪ начала, пока они сами еще ничего не имѣли , только и говорили , чтобЪ всѣ писцовыя книги сжечь , и земли вновь раздѣлить ; но какЪ скоро прїобрѣли владѣнїя и разбогатѣли , тогда ничего столько уже не выхваляли , какЪ древнюю архиву, подобно нашимЪ предкамЪ, только сЪ тою отмѣною, что сїи дѣлали то лучше и прїятнѣе Кромвелевой шайки.

Подлинно законы служатЪ кЪ содержанїю всего вЪ порядкѣ, когда они сЪ начала полезно введены и установлены ; а по томЪ и исполненїе оныхЪ такЪ же продолжается. Недовольства же, безпорядки, и гражданскїя свары произходятЪ больше и чаще отЪ недостатка законовЪ, и отЪ не наблюденїя оныхЪ при исполненїи , нежели отЪ ихЪ установленїя. Добрый законодавецЪ, или доброе собранїе , можетЪ

вымы-

вымыслить и составить мудрое и полезное правленіе; но того здѣлать не возможно, чтобъ всѣ градоначальники и всѣ потребные для правленія дѣлъ, или для распоряженія всего служители были благоразумны и честны. Да когдабъ и таковы они были, какъ возможно здѣлать чтобъ они же имѣли попеченіе, искуство, раченіе, и силу, потребныя ко исполненію должностей своихъ съ достоинствомъ? И такъ хотя бы правленіе совершеннѣйшее изъ всего свѣта, а законы самые справедливѣйшіе были, ежелижъ однако исполненіе оныхъ случится худо, несмысленно, или разтлѣнно, излишне строго, или излишне слабо, отъ того больше да и справедливѣе подастся причина къ неудовольствіямъ и къ жалобамъ, нежели отъ слабости или нѣкотораго другаго порока въ самомъ установленіи. По тому заключить можно почти столь же справедливо какъ и по другимъ такимъ же разсужденіямъ, что наилучшія правленія только тѣ, въ которыхъ дѣла отправляются людьми самыми честными; а каковъ бы планъ и форма пра-

правленія ни были, можно однакожъ сказать что они худы, когда въ худыхъ рукахъ находятся, и когда большая часть служителей бываютъ не честные люди. Но зло такое, которому все, что ни есть подъ солнцемъ подвержено, не токмо по приключеніямъ, но и по естественному склоненію, отвратить весьма трудно; да никогда и примѣра тому не бывало сколько намъ извѣстно, развѣ только въ древнемъ, Китайскаго государства правленіи, установленномъ на самыхъ лучшихъ и мудрѣйшихъ основаніяхъ, по нынѣ въ Исторіи вѣдомыхъ.

Какъ возможно Государю избирать всегда людей добрыхъ, когда столь легко обмануться можно и въ склонностяхъ и въ достоинствахъ человѣческихъ? Сколь обманчивъ бываетъ видъ! Сколь лживы обѣщанія человѣческія! Сколь сердца ихъ скрыты! Сколь рѣчи ихъ притворны! Сколь нравы ихъ непостоянны! Бываютъ люди добродѣтельные и многопочитаемые, пока они не удѣлъ, которые перерождаются и ненавидимы становятся,

какъ

какъ скоро къ дѣламъ употребляются. Честны и довольны въ недостаткахъ, а сребролюбивы и злы въ благополучіи; иногда смѣлы и отважны; иногдажъ преисполненны осторожности, въ нѣкоторыя времена весьма проворны, въ другіяжъ со всѣмъ лѣнивы; нѣкогда мыслятъ только о честолюбіи, нѣкогдажъ ни о чемъ кромѣ забавъ своихъ. Да и между солдатами находятся такіе, которые иной день храбры, а въ другой не таковы; какъ я о томъ слыхалъ отъ великихъ полководцовъ, въ самомъ искуствѣ то примѣтившихъ. Свирѣпая или важная осанка часто примается за мудрость; умъ за вмѣстительство или за достоинство, а слова и рѣчи за мысли и намѣренія; хотя обыкновенно великая въ томъ бываетъ разность. Но ничто такъ необманчиво какъ мнѣніе простолюдимовъ: многихъ узнаваютъ по опредѣленіи къ великимъ дѣламъ, сколь слабы и смыслъ ихъ и сердце; о чемъ никогдабъ и не свѣдали, ежели бы они за дѣла не принималися.

Сверьхъ

Сверьхъ того государи и властелины не могутъ по всѣмъ землямъ своимъ объѣзжать, для выбора и прïиска людей способныхъ къ ихъ и государственной службамъ. Въ невозможности онижъ находятся сами собою ни видѣть, ни слышать въ отдаленности; по тому неминуемо надобно имъ полагаться въ томъ на другихъ, или выбирать къ тому изъ немногаго числа тѣхъ особъ, которыя обыкновенно при нихъ находятся и составляютъ дворъ ихъ; къ коему прилипляются сïи только для полученïя честей, имѣнïй, чиновъ и мѣстъ; хотя они очень часто наименѣе того достойны бываютъ. Ибо мыслятъ больше о собственной своей пользѣ, нежели о службѣ государственной. Скудные, высокомѣрные, недоученые, гордые и скупостïю зараженные покою себѣ не даютъ, пока не прïищетъ всякъ по себѣ мѣстечка; равно какъ и другïе многïе, а именно: безпокойные, по домашнимъ обстоятельствамъ своимъ недовольные, безстыдные, коварные, дерзкïе и самолюбы, съ большимъ еще раченïемъ и жаромъ нежели первые того прииски-

 ваютъ

ваютЪ, да почти всегда имЪ и удается тамЪ, гдѢ самой честной человѢкЪ ничего себѢ не сыскалЪ бы. При всѢхЪ моихЪ наблюденїяхЪ не нашелЪ я полезнѢйшаго между людьми таланта кЪ достиженїю великости и кЪ полученїю богатства, какЪ сильная и безпокойная страсть искать того и другаго. Надобно уже быть человѢку или падмѢрно нещастливу, или весьма скудоумну, когда недостанетЪ онЪ того, кЪ чему весь безЪ изЪятїя устремится. Между тѢмЪ всѢ такїя лица прикрываютЪ свои намѢренїя самыми лучшими расказами и благороднѢйшими представленїями, упоминая завсегда: ,,*Что человѢкЪ рожденЪ не для себя только одного, но долженЪ не щадить живота своего, времени своего, ни здравія своего, когда все то для общей пона-добится пользы.* КтожЪ меньше всего о томЪ мыслитЪ, тѢ самые и приобыкли твердить изрядные сїи доводы; да еще такЪ, что истинно усердствующїе почти уже стыдятся о томЪ и промолвить. СЪ другой стороны, благоурожденные, разумные, богатые и кроткїе, или смиренные; такЪ же кто

кто имѣетъ стяжанїе довольное, или духъ спокойный, и кто себя самого и другихъ довольно знаетъ, не токмо не брегутъ о мѣстахъ и о чинахъ, но часто оныя ненавидятъ, развѣ только нужда государственная того потребуетъ, или по должному къ государю повиновенїю, или по домогательству друзей своихъ и приятелей. Что же дѣлать остается, когда представляютъ себя и проискиваютъ недостойные; а ктобъ наилучше тому былъ достоинъ, тѣ ни просить, ни принимать не хотятъ сами! Есть еще другая трудность, которая случается какъ худая погода, или какъ недородъ въ хлѣбѣ. Бываютъ вѣки производящїе великоименитыхъ мужей много, а великихъ случаевъ мало; въ другихъ же вѣкахъ вопреки тому, настоятъ случаи великїе, да недостаетъ мужей великоименитыхъ. Къ тому еще случается въ разныхъ странахъ и то, что господина Бредерода шутъ сказалъ нѣкогда тому, кто у него спросилъ, (увидѣвъ, что руками дѣлалъ шутъ тотъ движенїе сѣятеля), что онъ дѣлаетъ? *Я сѣю дура-*

ковЪ, отвѣтствовалЪ шутЪ; для чегожЪ спросилЪ еще тотЪ же, не сѣешЪ ты лучше умныхЪ? *для того*, сказалЪ шутЪ, *что наша земля не родитЪ ихЪ.* Находятся мѣста и бываютЪ времена, вЪ которыхЪ порода человѣческая можетЪ вЪ такуюжЪ приходить слабость по немощамЪ при родахЪ, по разнымЪ болѣзнямЪ, а часто по недостаткамЪ любви между родителями; иногдажЪ можетЪ она и до самой дойтить развратности злымЪ воспитанїемЪ, мотовскими привычками, роскошью юношества, злыми отЪ родителей и отЪ градоначальниковЪ примѣрами, сладострастными и развтлѣнными правилами по всему народу введенными и принятыми. Тогда уже весьма трудно и самымЪ лучшимЪ ГосударямЪ или МинистрамЪ сыскивать особЪ способныхЪ кЪ предводительству войсками и кЪ правленїю великихЪ дѣлЪ государсшвенныхЪ. ВЪ случаѣжЪ худаго кЪ тому выбора справедливыя всегда раждаются причины кЪ порицанїямЪ и кЪ жалобамЪ на правительство, хотябЪ оно наилучше изо всего свѣта установленное было.

Такїе

Такіе естественные и случайные пороки производятъ еще другое приключеніе, которое уже больше коварствомъ наполнено, да и больше прочихъ вредно и опасно. Ибо когда при вышеописуемыхъ обстоятельствахъ разсѣваютъ жалобы между благонамѣренными особами, тогда не оставятъ ихъ конечно и разпложать людьми не доброжелательными и интересованными, которые прикрываютъ свои намѣренія покровомъ общенароднаго блага и государственной пользы, хотя при томъ ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о собственной своей пользѣ. Такіе замыслы начинаются людьми нечестными, которые проводятъ простодушныхъ чрезъ подсылку къ нимъ людей наполненныхъ коварствомъ и хитростію; ослѣпляющими благонамѣренныхъ и всему легковѣрющихъ, которые неразсудно имъ послѣдуютъ, и въ такое вдаются прельщеніе, что начинщики разставляя сѣти ихъ уловляютъ, самижъ ищутъ и стараются всѣ получать пользы, да и получаютъ; а тѣмъ оставляютъ одни только труды, опасности и бѣды неизбѣжныя.

 Спе-

Сперва бросаютъ они только искры, гдѣ отъ нихъ избѣжать не можно, или гдѣ онѣ воспламеняются удобно; открываютъ преступленія, гдѣбъ оныя ни нашлися, а часто и выдумываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и не бывало; съ начала оговариваютъ поступки Министровъ, а потомъ доходятъ и далѣе; иногда порочатъ исполненіе законовъ, а часто и самое оныхъ установленіе, сколь бы древность и святость ихъ ни были важны. Они опасности представляютъ бѣдами, а простое чаяніе самою истинною; нещастія проступками, а мечты самымъ дѣйствомъ. И такъ наконецъ подъ тѣнію званія добрыхъ гражданъ и любителей отечества, до поколебанія доводятъ довѣренность и власть правленія, а свои установляютъ и утверждаютъ. Отъ того родятся заговоры между тѣми, которые то защитить желали бы, и между тѣми, которые то разорить стараются; или ближе еще сказать, между имущими уже въ рукахъ своихъ чести и всѣ отъ нихъ бываемыя пользы, и между тѣми, кои подъ видомъ лучшаго поправленія не

мыслятЪ какЪ только что бы передать все то вЪ другія руки, ни малѣйше не уважая о слѣдствіяхЪ.

КогдажЪ такой огнь воспламенится, поджигаютЪ оной сЪ обоихЪ сторонЪ. Не мыслятЪ уже тогда о народномЪ благѣ, а поступаютЪ только сходственно сЪ пользою заговора. Не уважаютЪ достоинства людей при дѣлахЪ находящихся, а выбираютЪ только себѣ преданныхЪ; вЪ мѣсто всякихЪ талантовЪ довольно тогда быть запалчиву, упряму, и насильственну, сЪ обѣихЪ сторонЪ. И какЪ такія бури возстанутЪ, тогда благоразумные и добронамѣренные, или впадаютЪ вЪ немилость и небреженіе, или сами удаляются, и оставляютЪ свободно такое позорище тѣмЪ, кто больше ревностенЪ и проворенЪ показать себя на ономЪ ѳеатрѣ, и кто вЪ силѣ верхЪ уже имѣетЪ.

ОтЪ сего сѣмени народныя произрастаютЪ смятенія, а потомЪ доходитЪ до бунтовЪ, которые часто злоключительны бываютЪ наилучшимЪ правленіямЪ, ради толь сильныхЪ

ныхъ перемѣнъ и потрясеній государственныхъ. Частожъ вводятъ они такія новыя установленія и новыя формы, о которыхъ зачинщики замѣшательствъ ни мало и не мыслили; и часто кончатся установленіемъ тиранскаго правленія, нашествіемъ или завоеваніемъ отъ иноплеменныхъ; ибо ярость заговора до того доходитъ, что они за лучшее избираютъ поддаться самой неумѣренной чужестранной власти, нежели уступить противной имъ внутри сторонѣ. Они въ томъ одинакаго мнѣнія съ нѣкоторымъ великимъ у сосѣдей нашихъ человѣкомъ, которой при случаѣ подобномъ объявилъ: ежели необходимо надобно, чтобъ его сожрали, то лучше онъ похочетъ съѣденъ быть волками, нежели мышами.

Отъ какихъ бы малыхъ съ начала источниковъ ни произтекали возмутительныя струи, въ томъ нужды немного; но только бъ оныя рачительно были питаемы, искусно подкрѣпляемы, и находили бы способныя склонности какъ къ принятію ихъ, такъ и ко вступленію въ нихъ. Возбужденныя Празиномъ и Венетомъ мятежи,

столь-

столькожЪ сильны и бѣдственны Константинополю были, сколько Гелфами и Гибелинами приключенныя вЪ Италїи: хотя первыя произходили единственно отЪ разнаго мнѣнїя и склонности кЪ ѳеатрамЪ публичнымЪ, называемымЪ лазоревые и зеленые, а у другихЪ дѣло было о томЪ, кому принадлежитЪ право назначивать ЕпископовЪ по епархїямЪ, Императору ль или Папѣ. ОтЪ чего бы заговоры начало свое ни принимали, но дѣйства ихЪ всегда сходны и подобны, равно какЪ намѣренїе и видЪ главныхЪ производителей вЪ томЪ обязавшихся, а имянно: тожЪ представлять дѣйство, токмо подЪ разными масками, и достигать до своей пользы и до исполненїя страстей своихЪ, подЪ видомЪ общаго блага.

По зрѣломЪ разсужденїи о сихЪ рода человѣческаго склонностяхЪ, и о такомЪ состоянїи правительствЪ, кажется справедливѣе должно сожалѣть, нежели завидовать достоинствамЪ властелиновЪ и министровЪ государственныхЪ, и отпущать или извинять ихЪ простительные недо-

статки и погрѣшности, или по меньшей мѣрѣ ихъ нещастія, въ мѣсто того, чтобъ прибавлять къ тому, или оныя увеличивать затѣянными толкованіями и вымышляемыми представленіями. Ибо государи должныбъ правительствовать такъ, какъ бы они желали сами быть правимы, ежелибъ случилися подданными; а подданные равномѣрно должны повиноваться такъ, какъ бы они желали чтобъ имъ повиновалися, ежелибъ сами были государями. Нравоучительное правило дѣлать другимъ тожъ, чего мы сами себѣ желаемъ, всеконечно есть безпрекословное, и сильнѣе всѣхъ прочихъ по всей вселенной принятое, хотя меньше и хуже всего по оному поступаютъ.

Но всячески безчеловѣчно было бъ оставить государей и государство въ видахъ и въ предсказаніяхъ толь непріятныхъ, касающихся до тишины и до успѣховъ правленія и разпорядковъ по ихъ владѣніямъ, которыя необходимо отъ сихъ разсужденій имъ задавалися бъ. И такъ не окончаю сего опыта не предложа нѣкоторыхъ способовъ для ихъ безопасности поставленіемъ нѣсколь-

скольких знаков подобных маякам на берегах зажигаемым, дабы судно их, хотя опаснѣйших камней и мѣлей, при которых наибольшее разбитїе судов примѣчено, избѣгать могло; прочим же случаям, которые свыше, как бури, низпосылаются, так как и злоключимым и напастным временам от Божїя провидѣнїя предопредѣляемым, должен уже всяк неизбѣжно подвергатися.

Первая безопасность государей и государств состоит в том, чтоб с отриновенїем всѣх намѣренїй, избѣгать и всяких совѣтов, клонящихся к перемѣнѣ порядка и законов древних, и достаточно уже установленных, наипачеж касающихся довольности, до преимуществ и до вѣры; ибо все то за дражайшее у человѣков почитается сокровище. А при том не останавлять теченїя судов обыкновенных.

Вторая: искать и домогаться о сущем и общем для правимаго ими народа благѣ, не допуская до себя никаких сторон и заговоров; ежелиж оныя уже завелися и столько укорени-

нили-

нилися, что къ одной изъ нихъ не пристать было бы всячески не можно: въ такомъ случаѣ избирать и подкрѣплять ту сторону, которая съ народомъ согласна, или въ которой знатнѣйшая и сильнѣйшая сторона по видимому обязалася. Ибо какъ намѣреніе всякаго правительства, видится быть, *Salus Populi*, (цѣлость народа), такъ и сила правительства состоитъ въ согласіи къ тому народномъ; отъ чего произошло правило сіе: *Vox populi, vox dei.* (Гласъ народа, гласъ божій). Разумѣть же чрезъ то должно, что правительство, состоящее въ невеликомъ числѣ, всегда принуждено будетъ уступить силѣ тѣхъ, кѣмъ оно правитъ; ибо число ихъ всегда больше, хотябъ народомъ, хотябъ войсками стали дѣйствовать.

Третія: ободрять и вводить, сколько возможно, вымыслы, и бережливость въ правимыхъ ими земляхъ; потому что добрые домоводцы и промышленики за установленное правительство обыкновенно стоятъ и оному усердствуютъ; а разточители и лежабоки, вопреки тому, бываютъ

весьма

весьма опасны, какъ по ихъ склонностямъ, такъ и по ихъ недостаткамъ.

Четвертая : состоитъ въ предупрежденіи внѣшнихъ опасностей. Ибо опасности отъ иностранныхъ причиняютъ страхъ домашній : а страхъ народный производитъ ненависть противъ государей, или государствъ ; и худое раждаетъ мнѣніе о ихъ способности и о ихъ намѣреніяхъ. Человѣкамъ сродно имѣть доброе мнѣніе о себѣ самомъ каждому , и вообще о своемъ народѣ , его силахъ и его храбрости. И такъ, когда усмотрятъ себя въ опасности, приписываютъ то слабости , худому поведенію, и разтлѣнію ихъ правителей ; безпорядкамъ государственнымъ, худому выбору министровъ , или худому въ войскахъ порядку. Ни что столько не усиливаетъ и опаснѣе не дѣлаетъ недовольства и возмущенія внутреннія , какъ нашествіе чужеземныхъ , хотя дѣйствительное , хотя только мнимое.

Можно по видимому безъ трудности и безъ опасности править на сихъ четырехъ колесахъ государственную

ную колесницу, по меншей мѣрѣ не сотресая ее сильно по всегда случающимся на пути выбоинамъ, ни по нравамъ человѣческимъ, ниже по другимъ какимъ бываемымъ приключенїямъ. Предосторожность далѣе разпространяться не можетъ. Ибо хотя часто усматривая загарающїйся огнь, средствами и попеченїями сими до самаго пламени не допущаютъ, но бываютъ еще такїе огни, которые, изъ отдаленныхъ и зрѣнїемъ недостизаемыхъ махинъ доходить могутъ; а другїе съ небесъ низпадаютъ. Сверьхъ того трудно рѣшить; не бываетъ ли иногда и нѣкоторыхъ созвѣздїй изъ тѣлесъ небесныхъ, или изъ воздушныхъ явленїй приключающихся метеорами, или кометами, которыя сильное производятъ дѣйство, не токмо въ духѣ и въ тѣлѣ человѣческомъ, но и въ порокахъ, въ огорченїяхъ, въ запальчивостяхъ и въ свирѣпствахъ простолюдимовъ, а потомъ и въ самыхъ смятенїяхъ народа, которой ихъ напеченїямъ наибольше подверженъ. Въ такомъ случаѣ ежели пламя вспыхнетъ, инаго дѣлать не остается, какъ

отда-

отдалять всѣ воспаляемыя вещи, могущія умножить оное воспламененіе; при томъ употребить всѣ способы къ затушенію удобные, а причиненные тѣмъ вредъ и убытки поправлять и снабдѣвать; съ терпѣніемъ же сносить то, отъ чего избавить себя всячески не возможно.

ОПЫТЪ
О ЗДРАВІИ И О ЖИЗНИ ДОЛГОЛѢТНЕЙ.

По самой истиннѣ могу сказать, что сколько ни исписалъ я бумаги, а исписалъ оной въ мою жизнь очень много, никогда однакожъ ничего не сочинялъ какъ въ намѣреніи общія пользы. Не мнѣ принадлежитъ судить, имѣлъ ли я въ томъ какой успѣхъ или нѣтъ. А что касается до мнѣнія другихъ, кто о томъ со мною говаривалъ, они и меня обмануть и сами обмануться могутъ. Но по меньшей мѣрѣ добрыя намѣренія принимать надобно

такъ

такъ, какъ сѣмена дѣлъ добрыхъ должно каждому человѣку сѣять; а землѣ до времени остается уже произращать оныя сѣмена, или нѣтъ, хотя сѣятель самъ, хотя другой кто плоды собирать будетъ.

Выбралъ я матерiю для сихъ опытовъ изъ того, что мнѣ казалося за наиполезнѣйше къ человѣческой жизни, и за нужнѣйшее къ вѣденiю для общей потребности; а хотя ничего не покажу нѣкоторымъ, чегобъ они сами столькожъ, какъ я, не знали; могу однако имъ подать поводъ больше о томъ разсуждать, нежели они обыкли.

Сочиненiе сiе подобно наставленiю, которое ни кому противно быть не можетъ; по тому что оное произходитъ отъ меня безъ зависти, безъ страха, безъ принужденiя, и безъ обязательства; что все бываетъ причиною, что мы не очень охотно слушаемъ, чему насъ другiе научаютъ. Всѣ люди хотѣлибъ быть сами себѣ учителями, а учениками у себяжъ самихъ, когда къ наукамъ ихъ труда другова ненадобно, кромѣ своихъ собственныхъ

мыслей,

мыслей, которыхъ обыкновенно у нихъ запасается такъ много, что сами не знаютъ что съ ними дѣлать; для того и употребляютъ ихъ только къ бездѣлицамъ и къ непотребностямъ, когда не могутъ употребить къ чему нибудь или къ доброму или злому. Мысли ихъ упражняются однимъ думаньемъ, а отъ думанья родятся спящія мысли. Совсѣмъ тѣмъ лучшихъ однакожъ наставленій быть не можетъ, какъ произходящія отъ собственныхъ нашихъ мыслей, и отъ искуства: ибо хотя и можно научаться мыслями другаго, но собственныя наши единственно въ состояніи здѣлать насъ мудрыми и щастливыми; употребленіежъ постороннихъ мыслей служитъ къ тому только, что подаетъ поводъ къ нашимъ разсужденіямъ, а безъ того можно чужія мысли уподобить кушанью, которое ѣдятъ по охотѣ или по жадности: оно только отягощаетъ стомахъ, или когда не сварится подымается парами въ мозгъ, слѣдовательно въ существо тѣла нашего обращаться не можетъ.

Нѣкоторые писатели исчисляя благополучія въ жизни наибольше желаемыя за главныя поставляли: *Здравіе Красоту* и *Богатство.* О первомъ ничего не спорю; но о слѣдующихъ двухъ не того я мнѣнія. Красота больше удовольствія дѣлаетъ другимъ, нежели тому, кто ее имѣетъ; а о богатствѣ я и примыслить не могу, по какому бы праву могло оно подыматься на степень толь высокую; ибо во всѣхъ вѣкахъ находилася знатная часть людей, то есть, мудрѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ, которые нищету предпочитали. *Өерапейты* и *Эвіониты*, между Іудеями; древніе *Монахи* между христїянами; столько *Дервишевъ* между магометанами; столько *Брахмановъ* между Индѣйцами, къ томужъ и всѣ древніе философы, какая въ протчемъ между ими ни находится разность, въ томъ однако всѣ согласны, чтобъ богатство презирать, и не почитать его какъ только за такое зло, которое надобно, хотя въ прочемъ премножество отъ него въ жизни человѣческой бываетъ бѣдъ, напастей и трудностей. И такъ не извѣстно

еще

еще заподлинно, въ число ль благополучій, или въ число злополучій поставлять его должно?

Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ случилося мнѣ быть вмѣстѣ съ верхопрашными молодцами: предлагалъ тутъ всякъ разныя свои желанія, ежелибъ въ силахъ только ихъ было видѣть оныхъ исполненіе: были предложены пріятныя, забавныя, и сумазбродныя; а когда по очереди до меня дошло, желалъ я, *здравія*, *мира*, и *хорошей погоды*, и хотя такое желаніе странно казалося въ собраніи людей молодыхъ, однакожъ оное за сходное съ разсудкомъ было бы принято отъ людей въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ; ибо все что въ томъ желаніи заключается, довольное между собою имѣетъ сходство, потому что здравіе тѣлесное подобно миру государственному и ясной погодѣ.

Миръ такое явное благословеніе божіе, безъ котораго ни кто не надеженъ пользоваться своими имѣніями, своею вольностію, ниже своею жизнію: самая невинность, да и всѣ законы безъ того не въ состояніи насъ ни защи-

 щать,

щать, ни покровительствовать; мы ни чѣмъ не можемъ пользоваться безъ страха и опасности, когда того лишенныхъ себя видимъ; чрезъ то отъемлется всякая веселость и все удовольствїе, каковыми бы щастїе наше насъ ни наградило.

ЗДРАВІЕ есть душа оживляющая вся благая наша во временной сей жизни; а безъ того все гадко, невкусно, да еще и ненадобно; безъ него мрутъ съ голоду, сидя за лучшими столами; морщатся смотря на пресладкїя напитки; стары и дряхлы бываютъ въ сераляхъ, наполненныхъ прелестными красотами, бѣдны и нищи посредѣ всѣхъ своихъ сокровищъ. Обыкновенные припадки разоряютъ наши силы, отнимаютъ у младости крѣпость, у красоты всю лѣпоту и прїятность. Когда къ кому они пристанутъ, музыка будетъ непрїятна, разговоры ослабѣютъ, палаты становятся тюрмою, или по меншей мѣрѣ и въ нихъ заключены сидятъ какъ и въ оной. Богатства тогда не надобны, чести и людство больше скучны, нежели забавны. Но какъ болѣзни придутъ уже мучи-

мучительныя и жестокія, тогда всѣ человѣческія состоянія сравняются и не оставятъ ни какого различія между пахаремъ и Монархомъ. Злой припадокъ подагры, камня, или лютой колики, приводитъ и королей на самое страданіе, и столькожъ они тогда бѣдны, какъ и тѣ, которые изъ ихъ подданныхъ за какія либо злодѣйства осуждаемы бываютъ на лютыя муки.

Надобно быть философомъ, чтобъ вѣдать сколько страсти и смущеніе духа дѣлаютъ насъ бѣдными не смотря ни на какія богатства и ни на какое щастіе. Все то требуетъ сильнаго уваженія, рачительнаго примѣчанія, и зрѣлаго разсужденія. Надобно можетъ быть возвыситься выше естества самаго, чтобъ быть подлиннымъ стоикомъ, и не чувствовать ни болѣзни, ни нищеты, ни бѣдности; надобно для того отрѣщися естества и противиться самой видимой истиннѣ и всегдашнему искуству; но не надобно ни примѣчанія, ни наукъ, а мысли однѣ, и простыя наблюденія довольны къ тому, чтобъ намъ дать выра-

 зумѣть,

зумѣть, что болѣзнь всякія пользы какъ отъ имѣнія и щастія, такъ отъ приятностей и чувствъ, бываемой, да еще и самой только мысленной насъ совсемъ лишаетъ; и что болѣзнь ни тѣлу, ни духу не допущаетъ дѣйствовать съ обыкновенною вольностію и свободностію. Пусть Философы мудрствуютъ и спорятъ между собою о высочайшемъ благѣ, или о человѣческомъ блаженствѣ, пусть то находятъ они гдѣ хотятъ, и утверждаютъ какъ изволятъ; однакожъ то подлинно, что нѣтъ грубѣйшаго заблужденія, ни мнѣнія безумнѣйшаго, сколькобъ оно затверждено ни было, какъ думать, что веселія происходятъ больше отъ того, что внѣ насъ, нежели отъ того, что внутрь насъ; больше отъ того, что намъ представляется, и что мы видимъ, нежель отъ того, чемъ мы смотримъ и какъ видимъ. Разнота дѣйствъ, которая бываетъ отъ одного представленія, въ разныхъ особахъ, или хотя и въ тѣхъ же, только въ разныя времена, противное тому очевидно доказываетъ. Есть такія болѣзни, отъ которыхъ все желтымъ

тымЪ кажется; другія же одну вещь десетерятЪ и безчисленно умножаютЪ; да и самыя легкія болѣзни портятЪ нашЪ вкусЪ и наше обоняніе; а еще и того меньше, нечистота одна вЪ ушахЪ нашихЪ, слухЪ перемѣняетЪ. Разность темпераментовЪ и возраста такоежЪ производитЪ дѣйство по степенямЪ совершенства или несовершенства первобытнаго нашего состава, какое здравіе и лѣта вЪ разсужденіи силы и слабости. ИзЪ всего того заключить не трудно, не будучи великимЪ естества испытателемЪ, что ими наши понятія составляются, на нихЪ наши воображенія основываются, ими разные виды намЪ представляются и перемѣняются по разнымЪ формамЪ и по разнымЪ темпераментамЪ другихЪ, какЪ тому подобно изпущается голосЪ одного дыханія, но совсемЪ разной чрезЪ флейту, чрезЪ гобой и чрезЪ трубу.

Но оставимЪ философію и возвратимся ко здравію. Хотя истинное здравіе бываетЪ и вЪ томЪ благополучіи, которое до состоянія разума принадлежитЪ, однакожЪ и сіе подлинно, что веселіе и радость зависятЪ

отъ состоянія тѣлеснаго; а чтобъ тѣмъ пользоваться, должно въ добромъ находиться здравіи такъ, какъ надобно быть бочкѣ доброй и чистой, дабы вино было вкуса приятнаго; ибо безъ того, какъ бы оно хорошо ни влито, однакожъ вкусъ отмѣнитъ, и чтобъ по томъ туда кладено ни было, конечно окиснетъ; а тогда лучше и короче всего такъ уже его и оставить. Кто хочетъ хорошо кушать, тому надобенъ аппетитъ доброй; кто желаетъ веселиться напитками, потребенъ ему вкусъ хорошей; а кто ищетъ жены красавицы, нужны тому сила и крѣпость. Словомъ, чтобъ чувствовать щастїе и находить веселїе, въ лучшихъ пользахъ, честяхъ и благополучїяхъ, надобно быть здорову. Да кто бы похотѣлъ скупиться; какъ и справедливо, ежелибъ здоровье покупалося златомъ? Кто бы не искалъ быть вельможею, ежелибъ власть и честь могли поправлять здоровье? Но та бѣда! Фельдмаршальской повелительной штапъ не больше имѣетъ силы поддерживать или подпирать подагрика, какъ и самая простая

стая палка. А синяя лѣнта еще и не такъ способна къ перевязыванію раны, какъ простой холстины обвертка. Блистаніе злата и алмазовъ болѣзнь глазную умножаетъ, а не исцѣляетъ. Діадима не больше помогаетъ головной болѣзни, какъ простой колпакъ спальной.

Когда же здравіе толь драгоцѣнно, и когда изъ сего источника всѣ веселія и всѣ радости льются, не должно, видится, пренебрегать сыскапіе тѣхъ странъ, откуда оно приходитъ, и тѣхъ ключевыхъ водъ, которыми оно напояется, ниже способнѣйшихъ порядковъ и средствъ къ укрѣпленію и къ соблюденію онаго служащихъ. Для всего того надобно разсматривать попадающіеся намъ примѣры здравія и долголѣтнія жизни къ тому способствующіе, и примѣчать мѣста, обыкновенія и состоянія тѣхъ, которые тѣмъ пользовалися какимъ либо извѣстнымъ или чрезвычайнымъ образомъ, дабы чрезъ то доходить до самыхъ причинъ, и точныя изъ того дѣлать заключенія.

 Мало

Мало мы извѣстія имѣемъ о временахъ до потопа минувшихъ. Да и святое писаніе не много о томъ упоминаетъ, кромѣ только долголѣтней жизни прежде потопа жившихъ; такъ что и я объ оной древности одно только покажу примѣчаніе, состоящее въ томъ, какъ и всѣ почти мнятъ, что во все то время люди ни мясъ не ѣдали, ни винъ не пивали; ибо видится что Ною первому дозволено стало питаться животными тварьми, и насаждать виноградныя лозы. Съ того времени почти не упоминается уже о долголѣтнихъ жизняхъ, ни въ священномъ писаніи, ни въ исторіяхъ, кромѣ долголѣтней жизни Патріарховъ или праотцевъ между Евреами; брахмановъ между древними Индѣйцами и Бразиліанцовъ во время сысканія ихъ земли отъ Европейцовъ, изъ которыхъ многіе по ихъ же преданіямъ жили до двухъ, а нѣкоторые и до трехъ сотъ лѣтъ; таковуюжъ глубокую старость приписываютъ древнимъ брахманамъ; а святое писаніе показываетъ намъ о долгоденствіи житія Патріарховъ. Привсемъ томъ примѣчать надлежитъ, что

Патрі-

Патрїархи по городамъ не живали, но всегда въ полѣ: что жизнь ихъ была пастушья, или упражнялися они земледѣлїемъ: женилися обыкновенно въ своемъ семействѣ: пища ихъ была простая, какъ и о всѣхъ безъ изъятїя древнихъ людехъ тожъ повѣствуется, что они рѣдко мясъ и винъ употребляли, развѣ только при жертвоприношенїяхъ и при другихъ торжествахъ. Брахманы всѣ были однородцы, и жительствовали по полямъ да по лѣсамъ, какъ скоро только оканчивали свои науки; питалися они единственно пшеномъ, молокомъ и травами. При первомъ сысканїи Бразїлїанцовъ жизнь ихъ была самая простая и отъ естества единственно показуемая, о чемъ столь много писано въ древнїя вѣки до введенїя наукъ, правъ и законовъ. И такъ заключить можно, что сихъ послѣднихъ обыкновенїя несравненно простѣе еще были, нежели другихъ. Они ни дѣлъ ни трудовъ не имѣли, а мыслили только о необходимо потребномъ себѣ пропитанїи, и о собиранїи плодовъ, травъ и коренїя. Кромѣ воды ничего не пивали; а къ

ци-

питію и къ яденію единственно жаждою и алчбою побуждаемы были, ни общенародными, ни домашними никакими суетами затрудняемы не находилися, всякіяжъ забавы и веселія, кромѣ простыхъ и естественныхъ имъ, и извѣстны не были.

И по тому со многимъ вѣроятіемъ заключить можно, что по всѣмъ такимъ примѣрамъ, обыкновенные составы, для здравія, и долголѣтней жизни [ежели у кого по самому рожденію, то есть при самомъ зачатіи въ матерней утробѣ не случилося какого разтлѣнія произходящаго отъ того семейства, отъ котораго родоначаліе ведется] суть: умѣренность воздуха, труды легкіе, попеченій или заботъ мало, простота пищи, лучше изъ травъ и кореньевъ, нежели изъ мясъ тлѣнію больше подверженныхъ, и вода жизненную влажность соблюдающая, безъ излишняго умноженія естественнаго жара; ибо болѣзни, изтощаніе силъ и самая смерть, предваряются обыкновенно тѣмъ, когда или жаръ одолѣетъ влажность, или влажность пересилитъ жаръ, и на конецъ

другъ

другъ друга безостаточно уже истребляютъ.

Многожды удивлялся я, что страны самыя здоровыя, и гдѣ долголѣтнѣе живали, были самыя жаркія; хотя всѣ въ томъ согласны, что наибольше умѣренной воздухъ производитъ людей крѣпкихъ и сильныхъ. Но слабая природа можетъ прожить столь же долго, какъ и самая крѣпкая, когда она бережно хранитъ себя; она въ томъ походитъ на Венеціанское стекло, которое столькожъ долго прослужитъ, какъ и самой крѣпкой горшокъ, толькобъ всегда берегли его опасно. При одномъ примѣрѣ какой либо жизни скончавающейся единственно только по изтощанію естественному, или по долголѣтствію, миліонъ другихъ видимъ, которыхъ жизнь прекращается внѣшними приключеніями, преждевременными смертями, случающимися ослабленіемъ отъ излишности и невоздержанія, отъ дебѣлости, отъ трудовъ неумѣренныхъ, отъ смущенія духа тѣло снѣдающаго; отъ продолжительныхъ страстей, отъ зоботъ покоя лишающихъ, и отъ неожи-

ожидаемыхъ приключенiй. Но люди на все то часто отваживаются сами безъ всякого принужденiя, по силѣ и по крѣпости ихъ сложенiя; отъ чего они лутчей апетитъ имѣютъ, въ холодныхъ же мѣстахъ отъ того еще больше ѣдятъ, а въ жаркихъ климатахъ примѣчено, что излишество тамъ весьма вреднѣе здравiю; для того въ тѣхъ краяхъ тщательнѣе отъ того берегутся; да хотя бы искуство и разсужденiе въ умѣренности ихъ содержать были и не сильны, однакожъ самая слабость аппетита ихъ по неволѣ до тогожъ бы доводила. Я лутчаго къ тому доказательства не нахожу какъ описанiе Францискa Бакона объ одномъ престарѣломъ человѣкѣ, у котораго онъ спрашивалъ, какъ онъ живетъ, и какiя наблюдаетъ правила? Старикъ тотъ ему отвѣтствовалъ: ни какихъ кромѣ того, что онъ ѣстъ прежде алчбы, и пьетъ прежде жажды, будучи удостовѣренъ, что такимъ образомъ онъ никогда много вдругъ ни съѣстъ, ни выпьетъ. Жаркой воздухъ держитъ поры всегда отверсты, и непрестанною испариною

выступаютЪ тѣ соки, отЪ которыхЪ наибольшая часть болѣзней зараждаются вЪ странахЪ студеныхЪ, гдѣ помогаютЪ тому только тѣлодвиженіемЪ. Я удостовѣренЪ, что по той причинѣ Агличане получаютЪ себѣ пользу отЪ воздуха Монпеліерскаго, наипачежЪ вЪ застарѣлыхЪ ломотахЪ, отЪ болѣзней вЪ легкомЪ, и отЪ другихЪ продолжительныхЪ немощей; однакожЪ многія мнѣ знакомыя особы приписываютЪ свое выздоровленіе вЪ тамошнемЪ мѣстѣ воздуху и плодамЪ.

Не знаю, нѣтЪ ли чего для здравія особливо полезнаго вЪ БразильскомЪ климатѣ больше другихЪ странЪ; ибо сверьхЪ наблюденій о томЪ учиненныхЪ во время перваго туда Европейцовъ прибытія, помню я, что ДонЪ ФранцискЪ де Мело Португальской вЪ Англіи посолЪ мнѣ сказывалЪ, что вЪ отечествѣ его почти обыкновенное дѣло видѣть какЪ на отходящихЪ вЪ Бразилію флотахЪ садятся люди старостію и болѣзнями совсемЪ уже изнуренные, которымЪ больше года или двухЪ ни какЪ бы прожить не можно,

жно, но по прибытіи туда живутъ еще лѣтъ двашцать, тритцать и больше силою и крѣпостію тамо въ нихъ возобновившимися. Не могужъ и того сказать, что продолженіе жизни человѣческой при такомъ уже естественнаго жара умаленіи стоитъ ли разсмотрѣнія, отъ чего такое бываетъ дѣйство, отъ воздуха ль или отъ тамошнихъ плодовъ, или отъ того, что тѣ люди больше приближаются къ солнцу, яко источнику теплоты жизненныя; кажется что такое разсмотрѣніе и труда не стоитъ.

Ни по одной исторіи, ниже по наблюденіямъ нынѣ чинимымъ никакого я примѣчанія не помню о частыхъ примѣрахъ долголѣтнія жизни во всѣхъ частяхъ Европы, которая по умѣренности можетъ быть ея климата, учинилася позорищемъ всякаго невоздержанія и излишества при столахъ. Греція и Римъ прославилися, или лучше сказать изпроказилися уже такимъ обыкновеніемъ, когда въ Асіи и въ Африкѣ о томъ еще и не знали. Не безъизвѣстно жъ, что и наши холодные краи тому весьма сильняе еще

под-

подвержены, нежель Испанія и Италія. Всего обыкновеннѣе Испанцовъ первой знатности найтить, которые лѣтъ до сорока вина не отвѣдывали; а по законамъ ихъ кто уличенъ бываетъ тѣмъ, что видѣли его хотя однажды пьянаго, тотъ ни въ какое уже свидѣтельство у нихъ принятъ быть не можетъ. Я отъ роду пріятнѣйшаго мнѣ не слыхивалъ отвѣта, какъ учиненной однимъ Испанцомъ, у котораго нѣкто спросилъ, хорошоль онъ былъ подчиванъ у его пріятелей? На что Испанецъ ему сказалъ: Si ſennor avia ſabrado: конечно государь мой! всего много осталося. Великое въ Италіи отправленіе торговъ и многочисленной туда съѣздъ иностранныхъ, наипачежъ Германцовъ привело тамъ вино въ большее употребленіе; однакожъ между знатными оно очень мало употребляется, которые въ Римѣ и въ Мадритѣ обыкновенно старѣются больше нежель въ какомъ либо другомъ Европейскомъ городѣ. Ибо воздухъ тамошней принуждаетъ ихъ жить съ великимъ воздержаніемъ и осторожностію. Исторія показываетъ намъ,

что многїе Короли жили въ Испанїи до глубокой старости, а одинъ изъ нихъ государствовалъ 70 лѣтъ. Филиппъ Комминесъ примѣчаетъ, что во Францїи ни одного не бывало Короля, которой бы жилъ до 60 лѣтъ кромѣ Карла В. и Лудовика XI.* Но въ Англїи отъ завоеванїя по окончанїе государствованїя Королевы Елисаветы, которое время гораздо короче, пять королей и одна Королева были; изъ нихъ двое жили 65 лѣтъ, другїе двое 68, третїе двое 70 лѣтъ. Съ удивленїемъ слышилъ я отъ господина Помпона, которой Французскимъ въ мое время въ Гагѣ былъ посломъ, и какъ человѣкъ весьма искусной и ученый дѣлалъ многїя примѣчанїя и мнѣ сказывалъ; что во всю его жизнь не слыхивалъ онъ, чтобъ кто во Францїи до 100 лѣтъ дожилъ; я причины тому совсемъ не понимаю, развѣ только что по умѣренности и по изрядству тамошняго климата, которой ни великимъ жарамъ, ни жестокимъ стужамъ не подверженъ, Французы въ сло-

* Сїе писано было во время государствованїя Лудовика XIV.

сложенїи и во нравахъ такую имѣютъ живость, которая ихъ ко всякаго рода веселостямъ и забавамъ склоняетъ больше, нежели въ другихъ странахъ; яжъ чаю, что забавы долго продолжаемыя, или лучше сказать часто употребляемыя, не токмо духъ въ слабость приводить, но и теченїе жизни прекращать могутъ, равно какъ огонь непрестанно раздуваемый, который отъ того конечно горитъ яснѣя, да и гаснетъ скоряе; ибо когда и самыя забавы рушатся чрезъ частое употребленїе подобно цвѣтамъ увядающимъ какъ скоро ихъ сорвутъ, тогда уже не естественно и не пристойно продолжать оныя долговременно, возобновлять безъ склонности и возбуждать ихъ искуствомъ или помыслами, когда естество насъ къ тому не побуждаетъ; а естество само собою несравненно лучше нашего знаетъ, что намъ пристойно и какое къ тому время удобно, толькобъ мы довольно были разумны у него обо всемъ спрашивать. Но краткая да прїятная жизнь предпочитается; и подлинно она лучше долголѣтней преисполненной трудовъ и печалей.

Древніе писатели къ чести нашего Аглинскаго климата примѣчали, что Британцы больше всѣхъ другихъ имъ извѣстныхъ народовъ живали. Въ не давныхъ же временахъ видимы были великіе тому примѣры и въ большемъ числѣ, нежель по другимъ странамъ свѣта. Повѣсть о старикѣ Паррѣ извѣстна многимъ: Король Карлъ I. приказалъ его привесть изъ провинціи Дарбіи; онъ тогда былъ ста пятидесяти трехъ лѣтъ, и чаятельно не смотря на толь глубокую уже древность прожилъ бы и болѣе, ежелибъ премѣна воздуха и пищи не пресѣкла въ городѣ жизни его. Графъ Робертъ Леичестеръ человѣкъ очень искусный, много любопытный и весьма праводушный разныя чрезвычайныя сказывалъ мнѣ такія повѣсти, а между прочими о Графинѣ Десмонтъ, которая не въ Англіи вышла за мужъ въ государствованіе Едуарда IV., и которая долго еще жила при Королѣ Іаковѣ; сказываютъ, что ей было больше ста сорока лѣтъ, когда она изъ Бристоля въ Лондонъ пріѣхала просить при дворѣ о милосердомъ вспомоществованіи

не

не стерпя больше нищеты, которую она давно сносила отъ разоренія той въ Ирландіи фамиліи, въ которой она была за мужемъ.

Онъ же мнѣ сказывалъ другую повѣсть о нищей женщинѣ, съ которою случилося ему встрѣтиться у лавки одного книгопродавца вскорѣ по кончинѣ Принца Генрика; примѣчая мимо идущихъ сказалъ онъ бывшей съ нимъ особѣ, что никогда въ Англіи не видывано толь великой и общей во всѣхъ печали; на что та нищая отвѣтствовала, что правда такой по нынѣ печали не видано съ того времени, какъ Принцъ Артуръ умеръ. Милордъ Леичестеръ удивляяся ея рѣчамъ спросилъ, что она чрезъ то разумѣетъ и не ужлито помнитъ она то время? На что нищенькая отвѣтствовала, что конечно помнитъ; по многимъ же инымъ вопросамъ на конецъ она объявила, что зовутъ ее Раинсдорфъ, и что она изъ нарочитой фамиліи провинціи Оксфортской, когдажъ была лѣтъ двадцати, полюбовникова къ ней невѣрность довела ее до того, что она ума тогда рех-

 нула-

нулася, но не помнитъ какъ долго въ той бѣдѣ находилася, и что въ то время произходило; а когда усмотрѣли, что она пришла въ состоянїе выходить, принуждена стала милостынею искать своего пропитанїя; по нѣкоторомъ же времени такого нищетствованїя смыслъ ея совершенно поправился и вспомнила она тогда о всемъ прошедшемъ и съ нею приключившемся; по томъ пошла на свою родину гдѣ была воспитана; но тамъ едва такихъ людей найтить могла, которые хотябъ слыхали только о ея родителяхъ. И такъ принуждена нашлася возвратиться въ Сутваркъ, гдѣ малую имѣла между нищими пенсїю; и оттуда по однажды въ недѣлю приходитъ она въ городъ для милостыни. Графъ Леичестеръ потомъ мнѣ сказалъ, что все тою женщиною разказанное была самая истинна, какъ онъ навѣдывался въ приходской церкви, у которой жила она въ богадѣльнѣ; и что приказалъ онъ ей заходить къ себѣ по вся недѣли, какъ она то чрезъ нѣкоторое время и исполняла; но потомъ ничего уже объ ней онъ не слыхалъ. Сїя по-

повѣсть подала случай бывшимъ въ той компанiи особамъ учинить нѣкоторыя примѣчанiя о томъ , что люди ума лишенные обыкновенно проживаютъ долго; чему многiе извѣстные представлены примѣры: а изъ всего того заключено , что ежели все подлинно такъ , то надобно , чтобъ сiе происходило отъ естественной крѣпости ихъ сложенiя , котораго чрезвычайная упорность преклоняетъ ихъ ко страстямъ толь сильнымъ, что доходятъ оныя до самаго безумiя ; и что строгое воздержанiе, къ которому ихъ при врачеванiи принуждаютъ, присовокупя къ тому немилосердыя приставниковъ ихъ поступки , не мало можетъ быть къ томужъ способствуютъ : ибо имъ даютъ только воду, а мяса очень мало и рѣдко.

Послѣдняя того графа повѣсть, о которой я упомянуть намѣренъ, касается до плясанiя Морисковъ, бывшаго въ Герефордской провинцiи, о которомъ печатное описанiе имѣлъ онъ еще въ своемъ кабинетѣ , сочиненное человѣкомъ умнымъ, которой изъ той провинцiи писалъ ; что въ такомъ то го-

ду въ государствованіе короля Іакова проходила у нихъ ватага плясуновъ, состоящая въ двенатцати человѣкахъ, которымъ всѣмъ отъ роду было больше тысячи двухъ сотъ лѣтъ. Не дивлюся я, что такое число людей нашлися столкихъ лѣтъ; но дивлюся тому, что имъ угодно еще было плясать и путешествовать.

Видѣлъ я и самъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ каждой имѣлъ больше ста двенатцати лѣтъ. Женщина изъ нихъ всю свою жизнь препроводила въ служеніи работномъ, а мущина работалъ же пока состарѣлся и принятъ былъ въ приходскую богадѣльню. Но случилося мнѣ еще видѣть третьяго гораздо тѣхъ старѣе, и тѣмъ онъ больше возбуждалъ мое любопытство. Былъ тотъ человѣкъ обыкновенно милостыни просящей у дверей постоялаго двора по большой въ Стафордской провинціи дорогѣ, которой мнѣ сказалъ что отъ роду ему сто дватцать четыре года; что служилъ онъ солдатомъ подъ предводительствомъ графа Эссекса, при осадѣ Кадикса; о

чемъ

чемЪ довольно порядочное учинилЪ онЪ мнѣ увѣдомленiе; и что по возвращенiи оттуда началЪ онЪ работать вЪ томЪ погостѣ, гдѣ родился, разстоянiемЪ около ста миль отЪ мѣста того, гдѣ я сЪ нимЪ говорилЪ; что онЪ тамЪ работалЪ до ста двенатцати лѣтЪ, и вЪ то время переломилЪ себѣ ребро, упавЪ сЪ телѣги, отЪ чего пришелЪ вЪ несостоянiе болѣе работать и началЪ питаться милостынею. ХозяинЪ постоялаго двора все то мнѣ подтвердилЪ и засвидѣтельствовалЪ, что всѣ окольные о томЪ удостовѣрены. СпрашивалЪ я у старика того, что онЪ обыкновенно ѣстЪ? На что вЪ отвѣтЪ получилЪ отЪ него: молоко, хлѣбЪ да сырЪ; а мясо когда кто ему оное пожалуетЪ. По томЪ спросилЪ я у него, что онЪ пьетЪ? АхЪ! милостивой государь, сказалЪ онЪ; вЪ нашемЪ погостѣ такая находится вода хорошая, какой ни у кого изЪ нашихЪ сосѣдей нѣтЪ. СпросилЪ я еще у него, пьетЪ ли онЪ что другое когда нибудь? Пью отвѣтствовалЪ старикЪ, ежели кто что мнѣ поднесетЪ, а инаково никогда;

къ чему хозяинъ примолвилъ; что тотъ старикъ въ домѣ его много собралъ денегъ, только никогда ни копѣйки ни на что не издерживалъ. Похотѣлося мнѣ еще у него спросить, не знаетъ ли онъ кого изъ сосѣдей столь же старыхъ какъ самъ? На то онъ мнѣ сказалъ, что есть одинъ бывшей ему въ Кадикскомъ походѣ товарищемъ, которой тремя годами его старѣе и какъ всю почти свою жизнь онъ въ службѣ пробылъ, отъ того нѣсколько понакопилъ и имѣетъ собственное при старости пропитанїе.

Часто слыхалъ я о многихъ особахъ престарѣлыхъ свыше ста лѣтъ, которыхъ въ судебныя мѣста представляли яко свидѣтелей къ разбирательству крѣпостей, или земляныхъ межъ; и что тѣ старожилы отъ большой части бываютъ изъ провинцїй Дарбской, Стафордской и Іоркской, а ни одного не бывало чиномъ выше амтмана. Никогда какъ въ Англїи, такъ и въ иностранныхъ земляхъ не видывалъ я ни знатныхъ особъ, ни дворянъ, которые бы за девяносто два года жили. Присовокупляя сїе къ

выше

выше показаннымъ наблюденiямъ о фамилiяхъ, или объ особахъ до глубокой древности достигшихъ, нетрудно изъ того заключить что здравiе и долгоденствiе по жребiю достается бѣднымъ и нищимъ, а не богачамъ; плодъ тотъ родится больше отъ умѣренности и недостатка, нежель отъ невоздержности и излишества. И подлинно, ежели богатой человѣкъ не станетъ во многомъ подражать житiю бѣдныхъ, богатствы его доставятъ ему больше зла нежель добра. А имянно: ежели онъ не будетъ имѣть упражненiй къ тѣлодвиженiю нужныхъ, которой трудъ есть самоизвольный; ежели не положитъ предѣловъ своему аппетиту, по своему благоразумiю, какъ бѣдной тожъ дѣлаетъ по неволѣ; ежели держаться не будетъ поста и воздержанiя, претерпѣваемыхъ другими отъ крайней нужды и бѣдности; или когда попеченiя его и неспокойства съ богатствомъ, а страсти съ забавами умножаться будутъ, то неминуемо разоритъ онъ свое здоровье прибавленiемъ своихъ сокровищъ; слѣдовательно больше ему будетъ убытку нежель прибыли; ибо

здра-

здравїе всегда почитается за лучшее сокровище всѣхъ другихъ благъ житейскихъ, и безъ него никакими удовольствїями пользоваться не можно.

Исторїя показываетъ, что большая часть древнихъ философовъ живали долголѣтно; можно то приписывать ихъ великой воздержности, и тому, что они отъ страстей и житейскихъ попеченїй были свободны. Но монахи кажется въ томъ хотя имъ и не уступаютъ, однакожъ совсемъ тѣмъ не видно, чтобъ они столь же долго жили; надобно тому искать особливой причины: я иной не нахожу, какъ невольное въ заперти житїе монаховъ, а вольность во всемъ тѣхъ философовъ. Разумѣю я не токмо заключенїе ихъ особъ по монастырямъ, что не со всѣми дѣлается, но и порядокъ житїя ихъ, правила ихъ, безпрекословное ихъ послушанїе къ настоятелямъ, къ томужъ и нѣкоторое порабощенїе духа ихъ и мыслей, къ нѣсколькимъ только, а не ко всякимъ знанїямъ, разсужденїямъ, и мнѣнїямъ. Философыжъ вопреки тому имѣли во всемъ вольность, а мыслямъ, наукамъ

и вымышленіямЪ своимЪ давали уже такую свободность, которая ни какихЪ не имѣла предѣловЪ. Они начинали и продолжали по собственной ихЪ склонности науки свои, и порядокЪ житія своего, такожЪ и жительство свое сами себѣ избирали. А монахи хотя и самоизвольно вЪ чинЪ свой вступаютЪ; но какЪ скоро міра отрекутся, вЪ мірЪ возвратиться уже имЪ недозволяютЪ. ВсегожЪ подлиннѣе, что ни отЪ чего столько духЪ или разумЪ не стѣсняется, какЪ отЪ порабощенія и отЪ неволи тѣлесныя и душевныя; а напротивЪ того ничтожЪ столько ихЪ не питаетЪ, не остритЪ и не укрѣпляетЪ какЪ великая вольность. МожетЪ быть сія сЪ другими многи и причина способствуетЪ тому, что вЪ Англіи, какЪ уже примѣчено, находится больше до самой древности доживающихЪ особЪ, нежели у нашихЪ сосѣдей.

По такомЪ повсемственномЪ и мѣстномЪ разсмотрѣніи, кажется гористыя и неплодородныя земли обыкновенно здоровѣе и кЪ долголѣтнему житію способнѣе и какЪ одно такЪ

и другое больше находится въ горахъ Палестинскихъ и Аркадскихъ, нежель въ поляхъ Вавилонскихъ и Өессалійскихъ: у насъ въ Англіи на горахъ провинціи Дарбіи, и въ куспарникахъ Стафордскихъ, нежель на земляхъ другихъ провинцій, которыя изобильнѣе и людьми и богатствомъ. А хотя не могу рѣшить, отъ чего то произходитъ, отъ тоголь, что воздухъ тамъ чище, слѣдовательно густыми и мглистыми парами незараженный; или отъ того, что по недостаткамъ народъ тамъ пищу имѣетъ простую и грубую, какъ хлѣбъ и кореніе произрастающія въ сухихъ земляхъ. Однакожъ видится, да и самое искуство доказываетъ, что раждаемые и обитающіе въ земляхъ гористыхъ и неплодородныхъ, обыкновенно здоровѣе и крѣпче, нежель живущіе по мѣстамъ равнымъ и изобильнымъ, онижъ еще рослѣе и сильняе бываютъ; потому въ Швейцаріи въ Шотландіи, и въ Ірландіи къ сѣверу, люди великорослѣе другихъ въ Европѣ мѣстъ. Помню я что разговаривая о томъ нѣкогда со мною король Карлъ II, государь весьма

искусной, и въ примѣчанiяхъ любопытной, спросилъ у меня: отъ чего въ гористыхъ мѣстахъ люди обыкновенно крупняе, а скотъ всякой мѣлче? Я иной тому причины найтить не могъ, токмо что воздухъ въ такихъ мѣстахъ придаетъ больше аппетиту нежель въ протчихъ, какъ людямъ, такъ и скоту, и для того родители, какъ нибудь да пекутся, чтобъ въ пищѣ недостатка ни какого не было ихъ дѣтямъ, когда они подрастаютъ и больше кушаютъ въ сухой странѣ ради сильной алчбы и скораго въ желудкѣ варенiя; а молока, коренья и овса въ такихъ странахъ всегда довольно, хотя во всемъ протчемъ недостаточно; но травы тамъ всегда бываютъ низкiя такъ, что скотина едва находитъ свое пропитанiе лѣтомъ, зимоюжъ часто и ничего къ пропитанiю своему не имѣетъ: отъ того всегда они алчутъ, а другiе возрастать не могутъ; ибо по нѣсколькихъ годахъ росту уже не прибываетъ. Основательноль сiе мнѣнiе, или кто лутче того изыскать можетъ; однакожъ я удостовѣренъ, что прилѣжнее разсматривающiе въ

томъ

томъ со мною согласятся, что чистой и сухой гористыхъ мѣстъ воздухъ придаетъ больше аппетиту нежель воздухъ въ мѣстахъ равныхъ и въ долинахъ тучныхъ, гдѣ обыкновенно города строются ради водныхъ и купечественныхъ выгодностей и для изобилія плодовъ и хлѣбовъ, которые съ меньшимъ трудомъ родятся больше на земляхъ жирныхъ и мягкихъ, нежель на твердыхъ и сухихъ. Слабость аппетита въ сихъ послѣднихъ мѣстахъ, наипачежъ въ городахъ великихъ, принуждаетъ жителей поправлять искуствомъ недостатокъ природной: отъ того главнѣйше произходятъ невоздержность и столько безумныхъ вымышленій къ возбужденію аппетита употребляемыхъ. Можетъ то послужить къ сладковкуснымъ пріятностямъ, но къ пользѣ здравія и къ жизни человѣческой ни какъ и никогда. Города многолюдствомъ славнѣйшіе и въ которыхъ къ веселіямъ и забавамъ наибольше хитрости употребляютъ, чаще и сильняе страждутъ какъ смертоносными язвами, такъ и другими разными заразами, имянножъ: въ нынѣшнемъ

немъ нашемъ вѣкѣ великїй *Каиръ*, *Константинополь*, *Неаполь* и *Римъ*, но чрезъ безпрестанное раченїе о предупрежденїи такихъ у нихъ бѣдъ въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ, меньше и рѣже тому подвержены, нежель въ другихъ.

Отъ того, да и по самой нуждѣ ввелося употребленїе лѣкарствъ по великимъ городамъ и по многолюднымъ странамъ; а въ земляхъ не плодоносныхъ и бѣдныхъ, едваль объ нихъ и вѣдаютъ. Въ обыкновенномъ житїи человѣческомъ неминуемо надобно, или имѣть великїя телесныя упражненїя, или поститься, или принимать лѣкарства, или больнымъ находиться: всякъ изъ того можетъ изобрать что изволитъ. Первыя два средства надежнѣе всего къ соблюденїю здравїя; а употребленїе лѣкарствъ служитъ только къ поправленїю и излѣченїю болѣзней, которыя всѣ безъ изъятїя случаются отъ неупотребленїя или небреженїя выше помянутыхъ двухъ первыхъ способовъ; но лѣкарство ни малѣйше не нужно и потребно быть не можетъ ни для соблюденїя здравїя, ни для

обязана была доставить свѣту лѣчебныя средства, къ поправленію дѣйствъ отъ невоздержности бываемыхъ. Со всемъ тѣмъ однакожъ употребленіе врачеванія разпространено Греками уже очень поздно между другими народами, которыхъ житіе и обыкновенія были простѣе и естественнѣе. Какъ великъ и многолюденъ ни былъ *Вавилонъ*, однакожъ врачей въ немъ никогда не употребляли, ниже другихъ въ болѣзняхъ лѣченій кромѣ воздержанія, терпѣнія, да домашняго за больными хожденія и присмотру; когдажъ того было не довольно, выносили болящаго на улицу или на площадь и спрашивали у всѣхъ мимоходящихъ наставленія и совѣтовъ, ктобъ по искуству или по изобрѣтенію нашолся въ состояніи вѣдать то или другое лѣкарство, къ уврачеванію такой или иной болѣзни. Персидскіе Шахи сперва въ Грецію посылали по врачей при крайне нужныхъ имъ случаяхъ, а потомъ стали ихъ уже держать и при себѣ. Въ древнемъ Римѣ ихъ долго не знали, а по введеніи ихъ туда, и по бытности ихъ тамъ нѣсколько времени

 мени

мени выгнали ихЪ всѢхЪ и не возвратилися они туда, какЪ уже по многихЪ годахЪ, когда по склонности РимлянЪ ко всѢмЪ обыкновенiямЪ и наукамЪ ГреческимЪ, утвердилася у нихЪ и сiя со всѢми прочими, которыя велися, да и вЪ почтенiи были во все уже время величiя Римской Имперiи. Сiя наука со всѢми прочими, можно сказать безЪ остатка пропадала вЪ ЕвропѢ, отЪ успѢховЪ оружiя и власти гордыхЪ сѢверныхЪ народовЪ. Но какЪ Срацынская Имперiя на востокѢ и вЪ полуденныхЪ странахЪ дошла до верха своея славы, тогда всякiя художества и всѢ науки, слѢдуя по стопамЪ величества и безопасности областей и правительствЪ, начали тамо процвѢтать, а между ими и врачебная наука. Кажется у МахометанЪ сЪ начала оную установили Аравляне; а вЪ ЕвропѢ Жиды, бывЪ довольное время первыми докторами вЪ ГотѳскихЪ королевствахЪ. НародЪ сей, разумѢю IудеовЪ, завсегда былЪ острый, смышленый и весьма рачительный и прилѢжный ко всякимЪ наукамЪ, по разсыпанiи своемЪ даже до того, когда

все

все то вЪ нихЪ уничтожилося отЪ гоненія какЪ ихЪ вѣры, такЪ и ихЪ народа едва не по всѣмЪ областямЪ Христіанскимъ. Во всѣхЪ пространныхЪ странахЪ Индѣйскихъ, очень мало докторовЪ находится, да и не вЪ великомЪ они тамо почтеніи, развѣ только нѣкоторые изЪ ЕвропейскихЪ, или изЪ породы Жидовской и Арапской.

Наука сія вЪ великомЪ была почтеніи и хвалѣ, вЪ ихЪ рукахЪ и вЪ тѣхЪ мѣстахЪ; но у другихЪ употреблялася и почиталася меньше.

ЧтожЪ касается до ея древности, и до ея вЪ Греціи начатія, приписываютЪ то *Ескулапію* жившему за сто лѣтЪ до войны Троянской, которому сказываютЪ вЪ трудахЪ помогалЪ сынЪ его *Махаонъ*; но нигдѣ не нахожу вЪ докторской ли или вЪ Хирургической онЪ былЪ при немЪ должности. Простота при начатіи сея науки видима по исторіи и по преданіямЪ, какимЪ образомЪ *Ескулапій* ходя по разнымЪ странамЪ водилЪ всегда сЪ собою собаку да козу, которыхЪ употреблялЪ при лѣчебныхЪ врачеваніяхЪ. Первую

къ лизанію ранъ, а другую для молока, которымъ стомахальныя и въ лёгкомъ бываемыя лѣчилъ онъ болѣзни ; въ томъ только и состоитъ все , что изъ его лѣчебниковъ писменно до насъ дошло. Но не смотря на то онъ толикія по знанію своему имѣлъ успѣхи, и въ такое по новости той науки приводилъ всѣхъ удивленіе , что въ честь его поставляли статуи, прославили его сыномъ Аполлоновымъ , а потомъ и въ число боговъ его удостоили и учредили.

Никто , чаю, не усумнится признать *Иппократа* божкомъ и отцемъ врачебной науки. Онъ процвѣталъ во время первыхъ славныхъ въ Греціи философовъ, между которыми главнѣйшимъ былъ *Демокритъ*: сочиненія его древнѣе всѣхъ оставшихся потомству. Ибо Демокритовы и другихъ того вѣка философовъ , всѣ пропали , хотя многія изъ нихъ цѣлы еще были во время *Антонина набожнаго* или за нѣсколько предъ тѣмъ. По всему кажется, что книги тѣ изтреблены, по благоговѣйной церковныхъ отцевъ ревности во владѣніе перваго Христіан-

скаго

скаго Императора. Но Иппократовы сочиненія избавилися отъ жребія прочихъ того вѣка сочиненій тѣмъ, что признаны за весьма полѣзныя для жизни человѣческой и за весьма мудрыя во всемъ, что въ нихъ ни писано. Онъ великій былъ философъ, великій естества испытатель и до того еще, какъ принялся за врачебную науку, къ чему одно и другое, можетъ быть весьма и нужно. Правиламъ его и порядку съ почтеніемъ и безъ всякаго прекословія слѣдовали чрезъ многія вѣки даже до времени *Галена*. Утверждаютъ же искусные врачи, что его *Афорисмы* и по нынѣ надежнѣе и меньше спорамъ подвержены предъ всѣми тѣми, которыя по сей наукѣ выдавалися. Я только объ одной здѣсь упомяну, которая, по моему мнѣнію сколько я ни читывалъ въ толь краткихъ словахъ наиболѣе въ себѣ заключаетъ разума и разсужденія. *Ars Longa, vita brevis, experientia Fallax, occasio praeceps, judicium difficile. Наука долговременная, жизнь краткая, искусъ опасный, случаи нетерпящіе времени, разбираніе трудное.* Довольно сего, хотябъ то только и оставилъ намъ

сей великїй человѣкЪ, ибо изЪ того одного можно разсудить о обширности его разума, и что онЪ природу и науку совершенно зналЪ.

ВЪ Адрїаново время *ГаленЪ* началЪ перемѣнять весь порядокЪ и правилы врачебныя, вЪ чемЪ до того поступали по показанїю Иппократову: ГаленовымЪ же хотя слѣдуютЪ и по нынѣ, однакожЪ *Парацелсь* всячески старался изпровергнуть всю Галенову систему, а вЪ мѣсто того ввести новую своего рукодѣлья, сЪ употребленїемЪ при томЪ лѣкарствЪ химическихЪ. Ни вЪ послѣдователяхЪ ни вЪпрославителяхЪ недостатка ему не было, и всѣ они нѣкоторымЪ образомЪ согласилися сЪ ГаленомЪ и ввели нѣкоторое смѣшенїе лѣкарствЪ химическихЪ которое и до нашихЪ временЪ продолжается

ДокторЪ Гарвей былЪ первой, которой обращенїе крови вЪ кредитЪ привелЪ или можетЪ быть онЪ самЪ то и сыскалЪ. Всѣ чаяли, что отЪ того великїя послѣдуютЪ премѣны и произойдетЪ всеобщая новость во всемЪ врачебномЪ порядкѣ, но ничего такого однакожЪ не послѣдовало. Я не

не намѣренъ судить, имѣлоль сіе мнѣніе столькожъ щастія, какъ оно было доказывано, при чемъ здравой смыслъ и искуство не согласилися съ резономъ и спекуляціами; или планъ тотъ нестоль далеко слѣдованъ, чтобъ возможно было его привести до самой практики, или оной столь тонокъ что доводитъ до самой невозможности подобно нѣкоторымъ математическимъ предложеніямъ, какъ бы истинны и доказательны ни были.

Такія великія премѣны въ правленіи врачебномъ случившіяся, подали поводъ ко многимъ недоумѣніямъ и опорочиваніямъ, которыми какъ ученые и искусные, такъ невѣжды и злобные старалися все то опровергать ради неподлинности оной системы. Монтаньи много и весьма разумно о томъ писалъ; нѣкоторые италіанскіе критики тожъ учинили; да еще нѣсколько и нынѣ докторовъ находится, которые смѣло и свободно о томъ переговариваютъ за келью съ своими приятелями. Но какъ изрядная та старинная надпись *Аѳинская* показала *Димитрію*, что сколь больше онъ

себя признаваетъ человѣкомъ, столь больше къ божеству приближается: тожъ и о докторахъ мы сказать можемъ, что сколь больше они знаютъ и удостовѣряются о слабости ихъ науки, толь больше достоинства имѣютъ. Совсѣмъ тѣмъ подлинная однакожъ то истинна, что до вышней степени въ врачебной наукѣ достигнуть не можно безъ великихъ по другимъ наукамъ успѣховъ; и такъ какимъ бы образомъ докторское ученїе ни принималося, однакожъ слѣдователи онаго всегда за що, да и за самое ихъ докторство много почитаемы были какъ самыхъ высокихъ наукъ въ ихъ времена люди; и въ томъ званїи участїе они всегда съ двумя другими великими факултетами имѣли во всѣхъ пользахъ, обыкновенно почитаемыхъ и съ наибольшею страстїю изыскиваемыхъ. Между имижъ кажется что богословы имѣютъ больше чести; юрисконсулты больше прибыли; а докторы больше науки. Я изъ нихъ около шести человѣкъ зналъ, которые сверьхъ великаго во всѣхъ наукахъ знанїя были такїе просвѣщенные разумы и имѣ-

ли

ли такія пріятныя обхожденія, каковыхЪ рѣдко находить мнѣ случалося. ВЪ прочемЪ о неподлинности ихЪ науки, о частыхЪ отмѣнахЪ вЪ ихЪ мнѣніяхЪ чтобЪ ни говорили, видится мнѣ, что смѣло однакожЪ и незазорно вЪ томЪ они стоять могутЪ, что когда богословы достигнутЪ до самой подлинности вЪ богословскихЪ системахЪ; а юрисконсулты вЪ системѣ о правахЪ и о политическомЪ гражданскомЪ правленіи, тогда и докторы не укоснятЪ согласиться о порядкахЪ и о правилахЪ вЪ врачебной практикѣ и честь имѣть будутЪ вЪ изобрѣтеніи универсальнаго лѣкарства, такЪ же по меньшей мѣрѣ скоро, какЪ химики вЪ сысканіи философскаго камня.

Кажется мнѣ что наибольшіе пороки или недостатки сей преизрядной науки, произходятЪ отЪ того, что докторы прилѣжали наипачежЪ со времени *Галена*, больше о порядкѣ и правилахЪ нежели о самыхЪ лѣкарствахЪ; и стараніе излишнее прилагали о составленіи оныхЪ, а не берегли употребленіе простыхЪ лѣкарствЪ такЪ же

и изысканіе особливыхЪ для каждой болѣзни разныхЪ и пристойныхЪ лѣкарствЪ, которымЪ они должны точныя имѣть записки.

Многажды удивлялся я тому, что не установлено было держать записки вЪ медицинскихЪ собраніяхЪ всѣмЪ лѣкарствамЪ, которыя изысканы профессорами оной науки, и которыя найдены по наукѣ, или случайно то есть ненарочно, наконецЪ которыя до вѣдѣнія дошли изысканіемЪ, а по томЪ апробованы употребленіемЪ и искуствомЪ. Много бы помогло то недостаткамЪ знанія и ученія; самыя науки возпользовалисябЪ искуствомЪ разныхЪ вѣковЪ и преданіемЪ нашихЪ предковЪ.

КакЪ бываютЪ многія профессіи будто наслѣдственны вЪ однихЪ фамиліяхЪ, такЪ и медицина вЪ нѣкоторыхЪ поколѣніяхЪ отЪ праотца до правнучатЪ, наслѣдственна велася: принуждало то родителей пещися о разпложеніи и умноженіи своихЪ знаній и искуствЪ, какЪ другіе пекутся о пріобрѣтеніи имѣнія и богатствЪ, для того, что оныя потомство ихЪ

на-

наслѣдовать имѣло, а не съ ними то умирало, какъ дѣлается со знанїемъ простолюдимовъ. Сколько забвенїю предано, и сколько погибло искуствъ и лѣкарствъ отъ того, что не слѣдовали такому обыкновенїю въ минувшихъ вѣкахъ. А можетъ быть лишилися и такихъ еще лѣкарствъ, которыхъ дѣйства и польза были лутче принятыхъ въ мѣсто того другихъ лѣкарствъ, для которыхъ прежнїя и изъ памяти уже вышли или неумышленно или небреженїемъ, или по разнымъ склонностямъ людей и временъ.

Римляне имѣли четыре лѣкарства, которыя нынѣ такъ неупотребительны, и въ послѣднихъ вѣкахъ оными такъ мало пользовалися, что почти у насъ только имяна ихъ извѣстны, имянножъ: *Баня*, *Окуриванїе*, *Терпѣнїе*, и *Движенїе*. А хотя и нынѣ бани между нами употребляются, но ходятъ въ нихъ больше для забавы или прохладности нежели для здоровья; ибо она какъ для одного такъ и для другова весьма полезна: въ ней отворяются поры, въ ней человѣкъ потѣетъ и чрезъ то жаръ выходитъ;

она

она составамЪ и сухимЪ жиламЪ придаетЪ свободнѣйшее крови движенїе; она по трудахЪ, по утомленности, и посильныхЪ телесныхЪ екзерцицїяхЪ, лутче всего вЪ свѣтѣ облегчаетЪ; она еще дивное производитЪ дѣйство вЪ лютыхЪ болѣзняхЪ, какЪ вЪ мученїяхЪ камнемЪ и коликою, которыя мучительныя болѣзни банею усыпляются, когда всѣ прочїя лѣкарства уже не помогаютЪ. Да и то еще вѣроятно, что можнобЪ отЪ обыкновенныхЪ нашихЪ бань ожидать такихЪ же полезныхЪ дѣйствЪ, каковы бываютЪ отЪ теплицЪ, то есть отЪ минеральныхЪ водЪ только бы наши бани строены были, сЪ подражанїемЪ онымЪ и со тщанїемЪ, и искуствомЪ добрыхЪ физиковЪ и медиковЪ.

Окуриванїе, со всѣмЪ уже, сколько мнѣ извѣстно, вЪ лѣченїяхЪ не употребляется, а сила и дѣйство онаго между нами не уваживается; однакожЪ я удостовѣренЪ, что оно весьма дѣйствительно, какЪ кЪ полезному, такЪ и ко вредному, да еще столькожЪ здравїю помогать, сколько болѣзней производить, можетЪ; самымЪ

искуст-

искуствомъ довольно то показывается, во всѣхъ заразительныхъ болѣзняхъ, и по дѣйству нѣкоторыхъ ядовъ, однимъ только обоняніемъ пріемлемыхъ. Всѣмъ извѣстно, что есть такія травы, и цвѣты, которыхъ запахъ очень прохладителенъ, и весьма пріятенъ: сила ихъ въ разныхъ болѣзняхъ, а наипаче въ головной, немногимъ извѣстна; но человѣку о всемъ разсуждающему не трудно оныя найтить. Нѣчто примѣтное потому пишутъ о Демокритѣ, что какъ находился онъ отъ глубокой древности, при самомъ уже издыханіи; сестры его крушилися печалію, что не можетъ братъ ихъ дожить хотябъ только до праздника цереры, которой по трехъ или четырехъ дняхъ торжествованъ быть имѣлъ; Демокритъ приказалъ приносить себѣ горячіе изъ печи хлѣбы, которыхъ паромъ безпрестанно подъ носомъ держимымъ, продолжилъ онъ жизнь свою до помянутаго праздника, а по томъ скончался. Не вѣдаю можноль нѣсколько времени или нѣсколько дней однимъ запахомъ мяснымъ прожить; но то весьма справедливо

нахожу

нахожу, вЪ самомЪ ли дѣлѣ такЪ было, или за баснь то пріемлется, что сказываютЪ о томЪ поварѣ, которой примѣтилЪ одного человѣка духомЪ мяснымЪ на поварнѣ его питавшагося; а какЪ тотЪ бѣднякЪ самЪ вЪ судѣ признался что то ему служило вЪ мѣсто обѣда; тогда судія такое издалЪ рѣшеніе, чтобЪ поварЪ довольствовался вЪ платежЪ за мясной духЪ звукомЪ обЪ столЪ ударенной монеты. Помню еще я, что вЪ Амстердамѣ прогуливаяся нѣкогда вЪ большой индѣйскаго дома галлеріи вЪ которой стоялЪ цѣлой рядЪ открытыхЪ ящиковЪ сЪ гвоздикою и сЪ мускатными орѣхами гдѣ я нѣчто такое оживляющее отЪ онаго благовоннаго запаха вЪ себѣ почувствовалЪ, что не могЪ удержаться чтобЪ о томЪ не сообщить компаніи вЪ довольномЪ числѣ тамо со мною бывшей, которая вся призналася что и у нихЪ всѣхЪ тожЪ подѣйствовало. Довольно сего кЪ доказанію, сколько запахЪ или духЪ силы и дѣйства во здравіи имѣть можетЪ.

Тереніе, преизрядную дѣлаетъ пользу и въ великомъ оно употребленіи въ странахъ восточныхъ, наипачежъ по частомъ хожденіи въ баню: оно отворяетъ поры и за лутчую почитается испарину изъ всѣхъ тѣхъ, которыя силою вынуждаются; оно очень хорошо, и весьма полезно для всякихъ опухолей, и для болѣзней въ составахъ, или въ тѣлѣ, которыхъ прорывать не разсудится запотребно. У Индѣйцовъ есть пословица: кто имѣетъ много невольниковъ, къ частому себя теренію, тотъ подагрою много мучимъ не будетъ.

Движеніе употреблялося въ забаву и къ облегченію великихъ и непрестающихъ болѣзней, равно какъ къ успокоенію безпокойства почти при всѣхъ болѣзняхъ бываемаго, и отъ котораго съ чрезвычайною нетерпѣливостію желаютъ съ постели сойти. Оно служитъ и къ усыпленію; какъ самымъ искуствомъ довольно извѣстно, изъ обыкновенія качать крикливыхъ младенцовъ, или трясти ихъ на рукахъ кормилицамъ. Помню я, что мнѣ старой принцъ Морицъ Нассавскій

сказывалъ, которой будучи въ Бразиліи, пріобыкъ спать въ колыбелѣ и отъ того почти ни когда уже отстать не могъ; наипаче когда мучимъ былъ камнемъ или подагрою, находилъ облегченіе и усыпленіе чрезъ движеніе висящей на воздухѣ его кравати; а когда примѣчалъ движеніе оной недовольное, приказывалъ служителямъ своимъ качать сильняе.

Въ древнемъ Египтѣ общее лѣченіе бывало, да и нынѣ въ Барбаріи еще къ пользованію большей части болѣзней употребляется; оно состоитъ въ жженіи разкаленымъ желѣзомъ страждущаго мѣста; отъ того почти всѣ ихъ невольники имѣютъ по всему тѣлу рубцы и пятна по такой операціи оставшіеся. Я пространно описалъ употребленіе и дѣйство огня въ опытѣ моемъ о врачеваніи у Индѣйцовъ подагры *моксою*.

Старые природные Ирландцы и Американцы во время перваго къ нимъ Европейцовъ пріѣзда не знавали никакого другаго лѣкарства кромѣ травъ и былій; въ чемъ самой просвѣщенной въ

свѣ-

свѣтѣ народъ довольно былъ согласенъ съ народомъ за презельныхъ варваровъ почитаемымъ, котораго естественную простоту и невѣжество уподобить было можно наукамъ и роскошамъ онаго народа. Ибо Китайцы въ пулсѣ совершенное имѣютъ знанїе, и чрезъ то всѣхъ внутреннихъ болѣзней причину находятъ, однакожъ ихъ обыкновенїе при врачеванїяхъ не разпространяется далѣе травъ и былїй внутрь принимаемыхъ и внѣ прикладываемыхъ.

Часто со многимъ веселїемъ забавлялся я наблюденїями разныхъ перемѣнныхъ и чрезвычайныхъ болѣзней, на которыя обыкновенно жалуются, а при томъ и примѣчанїями лѣкарствъ наибольше употребляемыхъ. Все то походитъ на перелетающихъ птицъ, о которыхъ во свое время много говорятъ; но какъ они отлетятъ, тогда на ихъ мѣсто, совсемъ разнаго рода прилетаютъ другїя. Когда былъ я еще молодъ, ничего столько не боялися какъ* Аглинской у младенцовъ бываемой болѣзни, и болѣзней въ лїогкомъ

* Rachitis, Riquets.

въ молодыхъ обоего пола людяхъ; потомъ * прилипчивой на селезенкѣ болѣзни; послѣ того цынги, отъ которой всѣ находилися въ опасности, и припадки оной по тогдашнему мнѣнію разнообразны были. По нѣскольком времени только и твердили объ описаніи крови, которая всякимъ болѣзнямъ была виновна, въ чемъ ни докторы, ни болящіе сами ничего понимать не могли. Наслѣдили за тѣмъ обмороки ** и произвели равное дѣйство, то есть жалобы отъ тѣхъ особъ, которыхъ тѣло и духъ въ такомъ находилися непорядкѣ, что сами того изъяснить были не въ состояніи. А у Китайцовъ почиталася сія болѣзнь за химеру, или за подымающіеся въ мозгъ пары, а не за другую какую немощь. Со всѣмъ тѣмъ упражнялися докторы наши въ томъ больше всѣхъ другихъ болѣзней; но нѣкогда и принуждены они поступать согласно съ мечтами такихъ болящихъ, и предписывать имъ лѣкарствы; инаковожъ

* La rate, Lien, splen, das Milz.

** Vapeurs. Vapidi fumi, die Dünste. пары.

ковожЪ потеряли бы свои доходы, которые перешли вЪ руки такихЪ, кто чаетЪ имѣть больше просвѣщенія о причинахЪ оной болѣзни или лучше попеченіе о пріисканіи кЪ тому лѣкарствЪ, которые не иное производятЪ дѣйство, токмо наполняютЪ у однихЪ карманы, а другихЪ забавляютЪ. Я чаю, что сіе много помогло той модѣ, по которой ѣздятЪ кЪ минеральнымЪ какЪ теплымЪ, такЪ и холоднымЪ водамЪ по разнымЪ причинамЪ, или справедливѣе сказать безЪ всякой причины кромѣ той одной, чтобЪ тамЪ повеселиться безЪ всякаго другаго отЪ того дѣйства; да не можнобЪ на то и жаловаться, ежели бы употребленіе оныхЪ водЪ кромѣ того другаго большаго еще зла не приключало; ибо хотя они обыкновенно вредны не бываютЪ, однакожЪ нѣкогда опасность отЪ нихЪ быть можетЪ, ежели ошибется кто вЪ темпераментѣ болящаго и вЪ причинѣ немощи, наипачежЪ для людей престарѣлыхЪ.

ВЪ лѣкарствахЪ такЪ же какЪ и вЪ болѣзняхЪ перемѣнялася мода.

 Помню

Помню я, что чрезъ нѣсколько времени куренїе табаку, а по томъ грѣтое пиво за лѣкарствы отъ всякихъ болѣзней почитаемы были; послѣ того давали больнымъ глотать дресву кременную, чѣмъ сокольники птицъ своихъ лѣчатъ; были и такїе доктора, которые думали всякой жаръ и всякую лихорадку излѣчивать, заставляя больныхъ пить ключевую холодную воду, сколько ихъ силы къ тому доставало; другїе представляли, что прїемъ одной по обѣдѣ ложки порошку натертаго изъ морскаго сухаря неминуемо помогалъ варенїю желудка и предупреждалъ другїя болѣзни; кофей, чай за тѣмъ слѣдовали; а по томъ стальной настояной порошокъ, и нѣкоторыя капли разныхъ имянъ и разныхъ составовъ. Но не нахожу я, чтобъ хотя одно изъ всѣхъ лѣкарствъ устояло долговременно по какому либо неотмѣнному, постоянному, извѣстному, и общему успѣху; миновалися они такъ, какъ моды, которымъ обыкновенно слѣдуютъ и находятъ ихъ спокойными и прїятными пока продолжаются; какъ же скоро ихъ покинутъ, пропадаетъ

даетъ тогда и все бывшее къ нимъ почтенiе.

Такъ-то люди играютъ своимъ здравiемъ и своею жизнiю, съ которыми они какъ съ платьемъ поступаютъ; но сiе тѣмъ больше извинительно, что то и другое равномѣрно какъ тѣнь преходитъ, подвержено поврежденiю при обыкновенномъ употребленiи, раздирается случайно и ветшаетъ въ весьма краткомъ времени. Между тѣмъ обыкновенной у насъ въ врачеванiи порядокъ всегда прежнее имѣетъ теченiе, и почти безспорно состоитъ въ изпражненiи кровопущенiемъ рвотными или проносными: хотя врачи очень рѣдко бываютъ согласны, какъ о припадкахъ, при которыхъ оныя лѣкарства нужны, такъ и о томъ сколь сильно ихъ употребить надобно; а которые врачи не прiобщены къ врачебному обществу, тѣ о пользѣ оныхъ еще и сумнѣваются. Монтаньи сумнителенъ о проносномъ, чтобъ оно когда либо полезно быть могло и доказываетъ то весьма умно и хитро. А что до рвотнаго принадлежитъ, то весьма уже

вѣроятно, что натура довольно свои потребности знаетъ и къ облегченїю своему время избирать умѣетъ, безъ насильнаго понужденїя какъ рвотное то дѣлаетъ. Я троихъ человѣкъ зналъ, которые рвотными такъ подлинно уморены, какъ бы ножемъ зарѣзаны были. Могу еще самъ собою утвердить, что при нѣкоторомъ почти смертельномъ припадкѣ, въ молодости моей мнѣ случившемся, призваны были два лучшїе врача, изъ которыхъ первой приказалъ мнѣ принять рвотное, которое и прислалъ тогожъ часу: но по разумуль или по щастїю не хотѣлъ я онаго принять, пока другой врачь придетъ, которой обнадежилъ меня, что ежелибъ я принялъ то рвотное, конечно ни полу часа живъ бы я не былъ. Помню и то, что случилося мнѣ быть при врачебномъ совѣтѣ о лихорадкѣ, которою страдалъ одинъ изъ моихъ сродниковъ. Они всѣ въ крайнемъ нашлися недоумѣнїи, надобноль было кровь пустить или нѣтъ, и не могли никакого заключить рѣшенїя, пока болѣзнь сама собою оказалася и научила ихъ

то-

тому, что дѣлать надлежало. Одинъ еще изъ моихъ приятелей такъ часто по приказу перваго своего врача кровь себѣ пускалъ, что другой врачь о выздоровленіи ево совсемъ сумнѣвался. Но первой стоялъ однакожъ въ томъ, что нужно ему продолжать кровопущеніе, пока желаемое отъ того окажется дѣйство; а другой спорилъ, что въ такихъ болѣзняхъ вся кровь находится разтлѣнна или испорчена, и что она сама можетъ очиститься по прошествіи припадка равно какъ вино, когда бродитъ, всю бочку сдѣлаетъ мутну и густу чрезъ нѣсколько времени, а по томъ само собою отляжетъ и прочистится. Правда и то, что все зависитъ отъ сложенія болящаго, отъ состоянія болѣзни въ первоначальныхъ ея причинахъ, отъ искуства и попеченія врача въ узнаніи, полезноль естество понуждать силою и можноль надѣяться отъ того больше пользы нежель вреда.

По томъ лѣкарствъ нашихъ обыкновенной порядокъ состоитъ въ томъ, что дѣлаютъ ихъ изъ разныхъ смѣ-

шенїй, и невредныхъ составовъ, которыя болящаго надеждою питаютъ, а аптекарямъ прибыль доставляютъ, ни малѣйше не отмѣняя естественнаго порядка, которой самъ есть лутчей и сильнѣйшїй врачь, и почти во всѣхъ болѣзняхъ оставляетъ врачамъ только блюсти и остерегать отъ приключенїй и предписывать воздержанїе, когда не могутъ придумать какое надобнобъ давать лѣкарство. Наипачежъ предупреждать стомахальныя болѣзни, и пещися чтобъ натура не на поварнѣ забавлялася тогда, какъ ей противъ непрїятелей своихъ выступать должно; и чтобъ натуру недопускать до слабости духа и силы: ибо тогда въ томъ наибольшая настоитъ нужда для подкрѣпленїя своего и облегченїя. Правда, что всякой врачь отваживался бы потерять довѣренность свою у народа, ежелибъ часто онъ твердилъ какому больному, что въ лѣкарствахъ ему нѣтъ нужды; а при томъ только приказывалъ бы наблюдать воздержанїе, или какїя нибудь извѣстныя простыя давалъ ему лѣкарствы: многїе повѣрили бы, что

на-

напрасно за то терять и деньги, но совсемъ тѣмъ главнѣйшій врача талантъ состоитъ въ томъ, чтобъ довольно и безъ ошибочно разпознавать, когда предписывать лѣкарствы и когда естеству отдавать на волю, чтобъ оно дѣйствовало какъ хочетъ и поступало уже по своему искуству; а за тѣмъ предписывать то, отъ чего хотя пользы не будетъ, да и вреда не могложъ бы послѣдовать.

По такимъ какъ въ здравіи, такъ и въ лѣченіи или въ лѣкарствахъ неподлинностямъ я во всю мою жизнь злымъ припадкамъ и обыкновеннымъ болѣзнямъ подверженную прибѣжище имѣлъ къ Божію провиденію, къ естеству, къ воздержанію, къ посту и къ простымъ лѣкарствамъ всякому простолюдиму извѣстнымъ и утвержденнымъ чрезъ долговременное наблюденіе и искуство мною самимъ учиненныя и другими мнѣ знающими особами, а иногда и по наслышкѣ.

Между травами въ нашей землѣ и климатѣ произрастающими я почитаю за лутче ко здравію полезныя

шал-

шалфею, * руту, ** шафранъ, *** будру, **** чеснокъ и ***** бузыню.

Шалфея заслуживаетъ всегдашнюю свою славу, не токмо какъ трава въ обыкновенномъ и всѣмъ извѣстномъ употребленіи весьма здравію полезная, но и потому еще, что она дивное имѣетъ дѣйство противу кашля отъ порчи въ легкомъ произходящаго. Я вылѣчивалъ опасные такіе кашли приказавъ принимать по вся утра чрезъ цѣлой мѣсяцъ по стакану ключевой воды, въ которой съ горсть шалфеи кипяткомъ варена была. Яжъ удостовѣренъ, что ежелибъ употребляли ее въ мѣсто чаю, конечнобъ она такоежъ производила доброе во всемъ для здравія дѣйство, хотя и не такъ, какъ чай вкусомъ пріятна. Въ бытность мою въ Голландіи имѣлъ я случай видѣть, что оттуда такоежъ великое множество шалфеи въ Індію отправляютъ, сколько изъ той страны къ намъ чаю вывозятъ.

Рута

---

* Saluin, la Sange. Salbey.
** Ruta, la Rue. Raute.
*** Crocus, le Saffran. Saffran.
**** Hedera terrestis, la lievre terrestre.
***** Sambucus. Sureau. Hollunder.

Рута весьма полезна отъ всякихъ стомахальныхъ болѣзней холодными и влажными соками приключаемыхъ. Она помогаетъ варенїю, придаетъ аппетитъ, раздѣляетъ вѣтры, пособляетъ испаринѣ, и всякїе худые выгоняетъ соки. Для того много употребляется, да и во время вреднаго воздуха также при опасности заразы ее предписываютъ. Вредна она только тогда, ежели много и часто ее кто употреблять станетъ, для того что естественной въ стомахѣ жаръ она сильно убавлять можетъ собственнымъ своимъ великимъ жаромъ и сушью; а самое невредное оное употребленїе дѣлается тако: выжатой изъ нее сокъ смѣшать надобно съ сахаромъ и здѣлать изъ того пилюли, которыхъ по двѣ или по три можно принимать хотя по утру, хоть подъ вечеръ, когда нужда того потребуетъ.

Шафранъ изъ всѣхъ сердце крѣпительныхъ лѣкарствъ есть простѣйшее и надѣжнѣйшее: онъ веселитъ сердце, возбуждаетъ жизненныя духи, что больше, то лучше употреблять его въ кушаньѣ и въ лѣкарствахъ.

Спиртъ сафранной такъ же больше всѣхъ другихъ спиртовъ пользуетъ невредно и сильно. Я самъ видѣлъ его дѣйство надъ человѣкомъ кончающимся и отъ врачей уже оставленнымъ. Но какъ сей, такъ и всякіе другіе спирты, употребляются при самыхъ только нужныхъ случаяхъ, какъ при сильныхъ и почти смертельныхъ обморокахъ или при другихъ такихъ припадкахъ. Ибо всякой спиртъ тожъ дѣйствуетъ, какъ и рушной; то есть разоряетъ и со всемъ истребляетъ естественной въ стомахѣ жаръ, ежели много и часто употребленъ будетъ. Обыкновенное и частое при столахъ винъ употребленіе тожъ производитъ дѣйство, только по степенямъ и со временемъ; а употребленіе спиртовъ или водокъ чувствительнѣе тожъ дѣлаетъ и гораздо вреднѣе. Но кто издавна къ нимъ уже приобыкъ, тому вдругъ перестать опасно, а надобно отъ того отставать исподоволь и со временемъ, убавляя сперва по маленьку, по томъ переставать, съ начала чрезъ нѣсколько дней, а наконецъ и больше.

Будра * по моему мнѣнїю есть наилутчее изъ всѣхъ былїй у насъ произрастающихъ и наибольше употребительнѣе и полезнѣе. Всѣ согласны, что дѣйствительнѣе нѣтъ лѣкарства для глазъ; такъ же изрядно помогаетъ она въ безумствїяхъ внутрь или внѣ употребляемая. Сверхъ того ежели что можетъ помогать отъ подагры или предупредительно отъ оной избавлять, конечно я удостовѣренъ, что то здѣлается всегдашнимъ употребленїемъ сего былїя настаявая его въ Эльбирѣ *. Примѣтилъ я то въ самомъ искуствѣ надъ многими особами, да и самъ я то употреблялъ чрезъ десять лѣтъ, за что долженъ всегда Богу воздавать благодаренїе. Изъ сего былїя всѣ предки наши обыкновенное ихъ питїе варили когда еще они наибольше, какъ и понынѣ мнятъ, предъ всѣми другими народами живали. Сказываютъ еще, что каменная болѣзнь у насъ и извѣстна не была до употребленїя хмелю и крѣп-

* Lierre terrestre, Hedera terrestis. Ebheu.

* Питїе въ Англїи употребляемое, похожее на пиво, токмо безъ хмелю вареное.

крѣпкихъ пивъ. Всякъ вѣдаетъ, сколь много противъ сего былїя кричали, не смотря на то, что оно принято и употребляемо было во всѣхъ сѣверныхъ и приморскихъ странахъ. Я еще удостовѣренъ, что оно главнѣйше въ похвалу сперва пришло отъ того, что соблюдаетъ пиво въ дальнѣйшихъ морскихъ путешествїяхъ. Но что касается до здравїя, я чаю, употребленїе * *Вереска* или ** *Дрока* лутче бы къ тому служило. Но по нынѣ больше всего къ тому съ пользою употреблялася *Будра*, которая и подлинно лутче всѣхъ намъ извѣстныхъ былїй очищаетъ.

Чеснокъ всѣхъ нашихъ былїй и сильняе и питательнѣе. Онъ придаетъ крѣпость тѣмъ, кто рѣдко мясо ѣстъ; какъ то примѣчается надъ бѣдными народами въ странахъ жаркихъ, наипачежъ къ востоку; такъ, что кажется, будто всякой трудъ и работа тамъ дѣлаются силою чеснока и лука, ибо нѣтъ тамъ другой травной пищи, ни былїя, которыя моглибъ до-

* Erica, la Bruyere. Heyde kraut.
** Genista, Genete. Genster Pfrimmen.

вольную къ тяжкимъ работамъ придавать силу. Чеснокъ весьма помогаетъ отъ колотья, крѣпитъ желудокъ, когда аппетита нѣтъ, или отъ неваренія желудка кто страждетъ. Я жъ удостовѣренъ что онъ лутче всего въ подагрѣ пользуетъ, ежели чемъ либо подагру лѣчить можно. Я великія при такихъ болѣзняхъ слыхалъ объ немъ похвалы, и всегда, когда оной ни употреблялъ, чувствовалъ отъ него облегченіе. Но не могъ я ни какъ продолжительно сносить, ни принудить себя къ яденію оного, которое для меня всячески было противно, или по меньшей мѣрѣ непріятно тѣмъ, съ коими я обходился.

Сверхъ того подагрическая болѣзнь такъ во мнѣ наслѣдственна и натекла въ жилы мои отъ столь многихъ по порядку моихъ предковъ, что причину имѣю вѣрить, что я отъ оной не излѣчуся какъ самымъ послѣднимъ отъ всѣхъ болѣзней лѣкарствомъ; и для того довольствуюся только противиться подагрѣ однимъ воздержаніемъ и терпѣніемъ безъ всякой надѣжды о изкорененіи толь застарѣлаго

рѣлаго уже врага моего и непріятеля. И такъ оставляю употребленіе чесноку для тѣхъ, которые достаютъ себѣ подагру любя напитки. Худыя сей болѣзни слѣдствія не могутъ облегченія получить ни какимъ порядкомъ воздержанія, развѣ токмо симъ быліемъ, которое крайне сушитъ и растворяетъ, а больше дѣйствуетъ потомъ. Во многихъ странахъ употребляютъ его и въ лѣкарствахъ и въ кушаньѣ. Во Франціи нерѣдко лѣчатся однимъ чеснокомъ дней пятнатцать или недѣли три при воздержаніи себя отъ всякой другой пищи во время перваго по вѣснѣ коровья масла: простолюдимы же вѣрятъ, что такое лѣченіе отъ всѣхъ будущаго года болѣзней избавляетъ. Чесноковыя и луковыя похлѣбки такъ употребительны послѣ запоевъ, что оныя и называются похлебками пьяницъ. Довольно кажется сего къ показанію употребленія и силы сего сѣвернаго былія, которое не въ маломъ и у Индѣйцовъ почтеніи находится между другими столь многими, которыми тамошнія пріятныя страны изобилуютъ и благовонія наполняются.

Le

Бузыня, * великую силу имѣетъ при всѣхъ немощахъ приключающихся отъ наводненныхъ соковъ: съ пользою употребляютъ цвѣты и плоды онаго такъ же и кору, а можетъ быть съ уравнительнымъ успѣхомъ по разнымъ годищнымъ временамъ. Я слыхалъ о великихъ подагрическихъ цѣлбахъ употреблѣнiемъ цвѣтовъ, плодовъ и коры одно по другомъ чрезъ цѣлой годъ; но самъ я того здѣлать ни когда не могъ, будучи не въ состоянiи подвергнуть себя толь долговремянной цѣльбѣ, съ лишенiемъ себя всѣхъ веселостей и забавъ. Сокъ того былiя великую имѣетъ силу отъ колотья, и вообще оное весьма полезно отъ цынги и отъ водяныхъ болѣзней; хотя я и почитаю, что отъ послѣдней болѣзни *Дрокъ* больше имѣетъ силы, когда настоишь его съ пивомъ или принимать будешь по вся утра его золу въ бѣломъ винѣ. Сiе лѣкарство можетъ почитаться въ числѣ особенныхъ къ нѣкоторымъ болѣзнямъ лѣкарствъ, и по тому есть

* Sambucus. Le Sureau. Hollunder.

справедливая причина жаловаться, что по толь долголѣтнемъ искуствѣ такой мудрой науки какъ врачебная, мы еще столь мало о томъ извѣстны.

* *Хинхина* всѣми за особенное же лѣкарство признавалася отъ лихорадокъ наипачежъ непорядочныхъ. Я по искуству надъ собою объ ней ни чего сказать не могу, по тому что ни самъ ее не принимывалъ, ни надъ другими примѣчаній объ ней не дѣлывалъ; однакожъ то помню, что сіе лѣкарство сперва не весьма за полезное почиталося, но еще признавалося, что употребляющіе оную опасаться имѣли о возвратѣ болѣзни горшемъ первыя. А нынѣ довѣренность къ ней кажется довольно утверждена всегдашнимъ сего лѣкарства употребленіемъ и предписаніемъ; да еще и о томъ увѣряютъ, что оно чрезъ нововымышленныя особливыя приготовленія въ гораздо лутчее приведено состояніе. Я же по особливымъ причинамъ удостовѣренъ, что всѣ тѣ составы единственно клонятся къ заба-

* Cortex Peruuianus.

бавленїю страждущихъ , и что сила сего лѣкарства состоитъ просто въ немъ самомъ , да въ выборѣ того , которое наименьше изсохло и которое въ такомъ дальномъ пути наименьше попортилося.

Сверьхъ того есть нѣкоторое малое насѣкомое *мокрица* * называемое которое я такъ же за особенное лѣкарство почитаю. Порошокъ изъ сихъ насѣкомыхъ съ коровьимъ масломъ смешенный и пилюлями приуготовленный не преминетъ никогда , какъ я то самъ видалъ , изцѣлить всякїя въ горлѣ болѣзни. Надобно при самомъ коренѣ языка изъ тѣхъ пилюль класть, и лежа на спинѣ дать имъ время изподоволь разтаять. Сказывали мнѣ , что докторъ Майернъ употреблялъ ихъ какъ самое надѣжное лѣкарство отъ всякихъ грудныхъ раковъ. Многїе мои прїятели также меня обнадѣживали что они дивныя отъ нихъ видали дѣйства при лѣченїи глазъ , цынги , и подагры. Но довольно къ показанїю изрядства и пользы

 оныхъ

* Millepieds , Millepedes.

оныхъ сказать только то, что древніе врачи объ нихъ тремя словами утвердили.

digerit	варитъ
aperit	отворяетъ
abstergit	чиститъ

Равномѣрно признаваю я листовой табакъ за особенное лѣкарство отъ простуды глазъ и головы, когда будетъ кто по вся утра класть оной въ носъ по листочку на часъ времени. *Бетоника* * тожъ дѣйствуетъ, ежели кому табакъ не сносенъ или надъ мѣру силенъ покажется; обѣ сіи травы изъ головы всякія простуды вытягаютъ носомъ. Старой принцъ Морисъ Насавскій обнадѣжилъ меня, что онъ глаза свои чрезъ долгое время тѣмъ только и соблюдалъ, бывъ оными такъ болѣнъ, что въ тритцать лѣтъ едва не ослѣпъ. Я по томъ тожъ всегда употреблялъ съ успѣхомъ, находяся равно какъ и онъ тритцати лѣтъ въ опасности лишиться зрѣнія.

Нѣтъ

* Betoine. Betonica Betonie. буквица.

Нѣтъ лутчаго Антидота * противъ прилипчиваго заповѣтрія во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ какъ во ртѣ имѣть кусокъ *Смирны* ** ежели кто онаго опасается. Я самъ то употреблялъ и другихъ научилъ съ успѣхомъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ сильныя были моровыя язвы. Но совсемъ тѣмъ надѣжнѣе всего изъ зараженныхъ мѣстъ бѣжать далѣе и какъ возможно скоряе. Однакожъ я и въ томъ удостовѣренъ, что *Смирна* можетъ почитаться за особенное лѣкарство къ предупрежденію заразы, да еще потребна она быть можетъ и въ лѣкарствахъ по тому, что она лутче всего не допускаетъ до тлѣнія, какъ то показывается употребленіемъ оной на востокѣ при балзамированіи тѣлъ. Отъ всякихъ стомахальныхъ болѣзней и отъ неваренія желудка случающихся, отъ кислыхъ и горячихъ соковъ, чемъ вся моя фамилія сильно и часто страдала, равно какъ и многіе изъ моихъ пріятелей, часто принимаютъ порошокъ раковыхъ жерновокъ и скорлупу пече-

* Противуядное.
** Myrrha ; Myrrhe. Myrrhen.

ныхЪ яицЪ которыя утушаютЪ кислоту соковЪ; но я ничего лутче ненашолЪ какЪ кушать до обѣда *землянику*, *Вишни*, *бѣлыя фиги*; *мяхкія груши* или и *виноградъ*. ЕжелижЪ сіи плоды миновалися, то послѣ обѣда кушать яблоки толькобЪ были они весьма зрѣлыя. Я всѣ оные плоды по собственному моему и многихЪ моихЪ пріятелей вЪ томЪ искуству почитаю за особенныя лѣкарства отЪ тѣхЪ болѣзней, на которыя столь много особЪ жалуются; наипачежЪ земляница и вишни, которыя всегда мнѣ облегченіе дѣлали. Я принимаю вдругЪ по сороку вишенЪ безЪ кожи и косточекЪ; и тѣмЪ охотнѣе ихЪ употребляю, что крѣпкія капли, обыкновенно при такихЪ болѣзняхЪ употребляемыя, весьма вредны и аппетитЪ неминуемо изтребляютЪ у тѣхЪ, кто ихЪ часто принимаетЪ. Лутчей или по меньшей мѣрѣ на именше вредной спиртЪ изЪ всѣхЪ кубомЪ перегнаныхЪ эссенцій есть такЪ называемая молочная вода составляемая сЪ *балсамомъ*, * сЪ

* Carduus Mariae. Marien • Diestel.

съ травою называемою *остроле стро* съ *мятою* и съ *полынью*. Она отъ стомахальныхъ болѣзней очень полезна и худова ни чего не здѣлаетъ. Изъ всѣхъ же крѣпкихъ водокъ лутчая по моему мнѣнію [: ежели къ обыкновенному употребленію можетъ какая либо водка быть добра .] изъ мозжевѣловыхъ ягодъ, наипачежъ отъ припадковъ подагры и колики. А изъ кордіальныхъ непорочнѣе всѣхъ по моемужъ мнѣнію порошокъ графини де Кентъ; ибо хотя врачебное искуство больше всего сердце крѣпящими изобилуетъ ; но мнѣ кажется , что они очень мало силы въ себѣ имѣютъ въ томъ , что до сердца принадлежитъ , кромѣ одного наименованія съ нимъ сходнаго.

Чтожъ до подагры касается о томъ уже написалъ я все , что мнѣ извѣстно , и показалъ учиненное мною въ томъ искуство въ опытѣ моемъ о *моксѣ* : равномѣрно написалъ я и о селезенкѣ мои мнѣнія , въ изданіи моемъ о Нидерландскихъ народахъ ; къ чему прибавлю только въ пользу страждущихъ , какъ и я , подагрою ; что сверьхъ показаннаго въ вышепомянутомъ

томъ опытѣ, какъ уже подагра моя разлилася и не въ одномъ мѣстѣ останавлялася, слѣдовательно моксою прижигать ее стало не возможно, которая тотъ часъ мнѣ помогала; изобрѣлъ я три слѣдующіе еще помогательные способы: непрестанное въ постелѣ движеніе состава въ которомъ боль начинается; я то часто дѣлывалъ щитая до пяти или до шести сотъ, и болѣе, пока сперва въ той части почувствую великой жаръ а потомъ испарину; жаръ истребляетъ и разгоняетъ сокъ внутри, а испариною выходитъ онъ вонъ. Такое движеніе избавляло меня отъ злыхъ подагрическихъ припадковъ, которыми я угрожаемъ находился. Когда боль продолжается, всѣ мои пластыри состоятъ только въ одной шерсти изъ подбрюха жирной овцы, отъ чего многажды получалъ я скорое облегченіе. Но когда боль становится уже самая зѣльная, и опухоль такъ разширится, что моксою ее прижигать не можно, въ такомъ случаѣ ни чего лутче я не нашолъ, какъ суконной кармазинной лоскутъ, обмоченной въ кипящую водку

ку, приложить къ скорбящему мѣсту и капать на оной водку такъ горячу, сколько терпѣть только можно. Я тѣмъ часто пользовался, и съ такимъ же успѣхомъ какъ и моксою, не повредя ни малѣйше кожи.

А что я написалъ о селезенкѣ; къ тому прибавлю еще: что какова ни есть оная болѣзнь отъ частилъ внутреннѣй, тѣмъ имянемъ называемой произходящая, или только отъ воображенія страждущихъ, но назвать того чемъ страждутъ неумѣющихъ; однакожъ сіе подлинно, что оная ко всѣмъ другимъ болѣзнямъ весьма худая прибавка, а часто и очень опасна бываетъ. Ибо какъ надежда есть высочайшее и сильнѣйшее лѣкарство для жизни человѣческой, и наилутче полѣзное отъ всякихъ тѣлу и духу случающихся болѣзней, такъ страхъ, печаль, и меланколическія опасенія, яко обыкновенное отъ селезенки дѣйство, къ томужъ безпокойства и задумчивости отъ неежъ приключающіяся, злѣе всякихъ другихъ припадковъ при всѣхъ болѣзняхъ, которыя часто отъ того смертельними бываютъ

ютъ; а безъ того могли бы и миноваться по претерпѣніи нѣкотораго времени. Я видалъ министровъ въ дѣлахъ наибольше упражняющихся, придворныхъ самыхъ щастливыхъ, молодцовъ самыхъ крѣпкихъ и дѣвицъ прекрасныхъ, въ самыхъ цвѣтущихъ ихъ лѣтахъ, которые всѣ при обыкновенныхъ и лѣгкихъ болѣзняхъ сокрушалися силою и тягостію того бремени, злыми парами и отъ того происходящимъ непорядкомъ въ ихъ духѣ и въ ихъ крови. Нѣтъ уже нужды знать, отъ какой причины болѣзнь случается, когда къ ней пристанетъ немощь селезенки съ меланколическими страхами: отъ обманаль въ надеждѣ, отъ ущербаль въ чести, отъ страстиль нещастливой, отъ ревнивостиль бѣдственной, или отъ злой какой боли, все то равное уже и одинакое производитъ дѣйство.

Слыхалъ я отъ нѣкотораго славнаго доктора, что во время бывшаго въ Англіи фанатисма онъ большую половину изъ больныхъ своихъ находилъ такъ мучимыхъ сумнительствами совѣсти, что принужденъ находился

ся сперва дѣйствавашь яко проповѣдникъ или богословiи учитель, а потомъ уже какъ докторы, которыхъ главная тайна состоитъ часто, можетъ быть, въ поданiи надежды, въ успокоенiи духа прежде нежели примутся они за дѣйство ихъ науки. Тожъ попеченiе и больной прежде всего имѣть долженъ; а безъ того всѣ даваемыя ему лѣкарствы, могутъ потерять и силу ихъ и дѣйство.

По моему мнѣнiю два главныя въ жизни человѣческой благословенiя суть: *здравiе* и *веселой нравъ*; они равно и взаимно другъ другу помогаютъ. Безъ здравiя, кто можетъ спорить, чтобъ жизнь не была тягостна; а безъ веселаго нрава чтобъ разныя въ щастiи состоянiя не были скучны, не вкусны, да еще и противны. Всякое состоянiе истинному благополучiю жизни, по видимому столько помоществуетъ, сколько служитъ оно къ умноженiю или къ соблюденiю сего сокровища. Каковы бы ни были другiя разности, обыкновенно въ различныхъ щастiя состоянiяхъ понимаемыя, не найдется однакожъ, можетъ быть никакихъ толь истин-

ныхЪ и толь важно великихЪ, какЪ изЪ сихЪ двухЪ обстоятельствЪ состоящихЪ, но толь мало уважаемыхЪ, при обыкновенномЪ теченіи того благополучія, котораго смертный родЪ человѣческій ищетЪ.

Богу единому извѣстно, должноль за благополучіе почитать или нѣтЪ долголѣтнюю жизнь; ибо емужЪ только свѣдомо, какЪ далеко она продолжится и сЪ какими приключеніями. СократЪ часто говаривалЪ, что пріятно состарѣться со здравіемЪ и сЪ однимЪ другомЪ; да можетЪ статься что онЪ вЪ томЪ и правЪ. ЧеловѣкЪ жизнію веселиться можетЪ, пока онЪ ни самЪ себѣ, ни пріятелямЪ своимЪ не наскучилЪ; а по томЪ напрасно онЪ печалиться будетЪ о смерти. Я вЪ моихЪ путешествіяхЪ зналЪ и много почиталЪ одну особу, которая обыкновенно говаривала, что надобно лишенну быть ума, чтобЪ желать жить далѣе семидесяти лѣтЪ. ВпрочемЪ я удостовѣренЪ, что жизнь человѣческая такЪ же какЪ и вино, котораго не надобно доцѣживать до дрождей, ежели кто со вкусомЪ оное пить желаетЪ.

Когдажъ сїе случится, можно хотя сїю пользу отъ старости получить, что вмѣсто того, что молодые люди всегда скорбятъ, ежели они не въ забавахъ и веселостяхъ находятся, старики поставляютъ то въ забаву себѣ, когда они ничемъ не болятъ. И какъ молодцы часто теряютъ или уменьшаютъ настоящее ихъ благополучїе замыслами о прїобрѣтенїи другаго большаго еще добра, или какими напрасными страхами; такъ престарѣлые утѣшаютъ себя въ недостаткахъ силъ при древности бываемыхъ прїятными разсужденїями о минувшихъ ихъ благополучїяхъ. Для того надлежало бъ всякому въ своей младости, когда еще во всей своей силѣ и здравїи, мыслить и стараться о украшенїи разума своего чтенїемъ, путешествїями и полезными разсужденїями; а притомъ не дѣлать, какъ дѣла добрыя и по своему чину и состоянїю, дабы при старости не имѣть, какъ только прїятныя мысли.

Чистыя токмо животныя жвачку жуютъ по яденїи, надобножъ быть чисту и добродѣтельну, ежели кто

желa-

желаетъ съ веселіемъ размышлять о всѣхъ дѣлахъ въ жизнь свою содѣянныхъ. Сверьхъ того ежели кто при древности имѣетъ доброй смыслъ, стяжаніе довольное и нравъ хорошей, такіе не могутъ лишены быть веселія: ибо они въ состояніи удовольствія чинить своими благодѣяніями, заступлѣніемъ и совѣтами, тому кто того достоинъ; попеченія прилагать о своихъ дѣтяхъ, любовь оказывать друзьямъ своимъ, а всякую милость и снизхожденіе къ домочадцамъ.

Но не можно злѣйшаго имѣть нещастія, какъ быть въ старости съ гнѣвливымъ нравомъ; ибо такіе ни сами веселиться не могутъ, ни другихъ веселить не хотятъ: въ такомъ состояніи, время уже со всемъ разстаться.

Симъ образомъ представилъ я въ семъ опытѣ то, что я самъ примѣчалъ, и что мнѣ на умъ пришло о жизни и о здравіи, и что мнѣ показалося быть полезнымъ для общества. Не трудно по простотѣ мною при семъ сочиненіи наблюдаемой примѣтить, что другаго у меня намѣренія не было;

оно

оно по меньшей мѣрѣ за такую ворожьбу принято быть можетъ, которая въ провинціи Дарби употребляется при излѣченіи скота сими словами: хотя отъ сего не будетъ тебѣ добра, не сдѣлаетъ однакожъ то и худабы.

Въ заключеніе скажу, что главное для здравія и долголѣтней жизни начало, или корень, произходитъ отъ силы и крѣпости нашихъ родителей, или отъ нашего рожденія: отъ того вышла и сіе изрѣченіе: *Gaudeant bene nati*, то есть: *да радуются здраво рожденные.* Не отъ насъ зависятъ приключенія: и по тому мы для жизни и здравія, то только можемъ сдѣлать, чтобъ быть всегда въ разсудительной и умѣренной воздержности и въ упражненіи тѣлесномъ; тщательно избѣгать всякихъ излишностей во всемъ, а наипаче въ повсядневномъ употребленіи вина; такъ, что первая рюмка хороша для здравія, вторая для веселости, третія для друзей, а четвертая уже для враговъ нашихъ.

Чтожъ принадлежитъ до воздержанія при всякомъ, особливо и при

всѣхъ обще случаяхъ, тому показалъ я порядокъ и силу въ опытѣ о моксѣ, и такъ больше о томъ здѣсь разпространять нѣтъ нужды.

Когдажъ не помогутъ уже никакія осторожности, и приключатся или отъ худой погоды, или отъ времени, какія либо жестокія болѣзни, въ такомъ случаѣ надобно прибѣжище имѣть къ лучшимъ, сколько возможно изыскать, врачамъ, которыхъ успѣхъ столькожъ отъ разсужденія и попеченія зависѣть будетъ, какъ и отъ правилъ искуства. Щастливъ кто при всякихъ тѣла и духа болѣзняхъ имѣетъ другомъ себѣ искуснаго врача, или врачемъ друга умнаго и искуснаго: великое то щастіе, пишетъ Сирахъ, произходитъ отъ Бога: *другъ вѣренъ, врачеванie житію; и боящiися Господа обрящутъ его.*

Глав. VI. стр. 16.

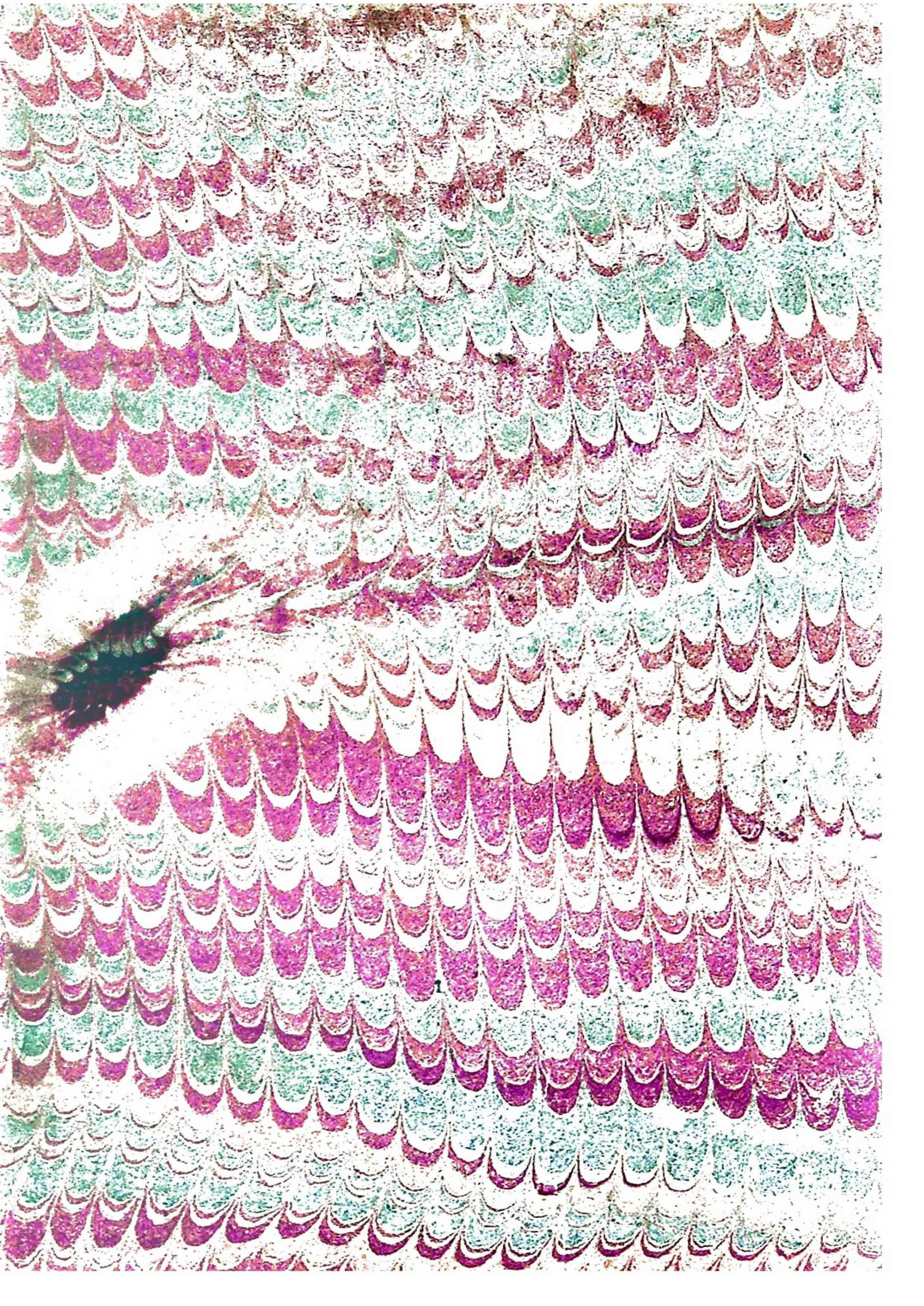

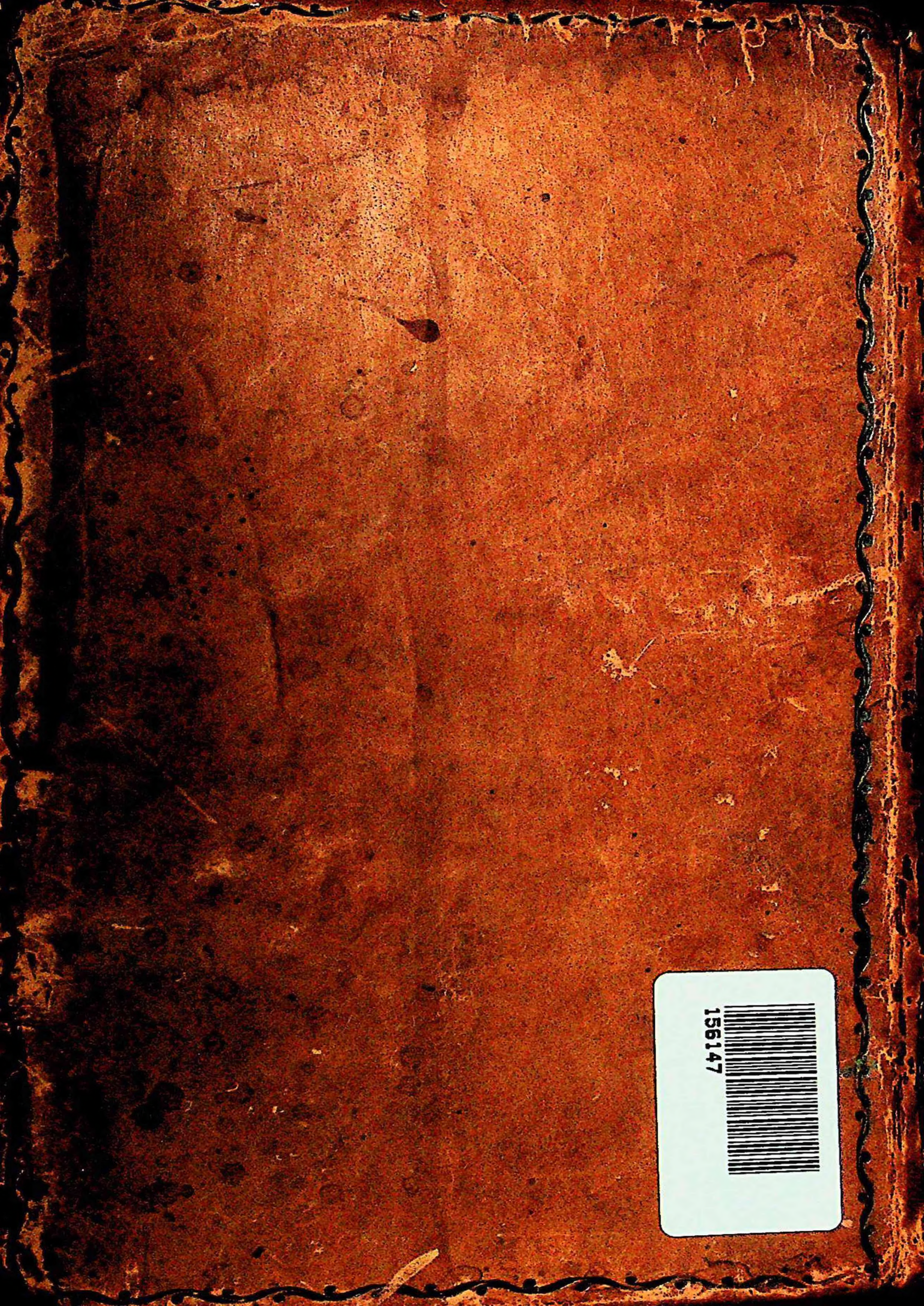
ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строки.	Напечатано.	Читай.
20	2	барнеель	барнефелдъ
20	15	не удобны	не трудны
21	17	; а украшенїе	, на украшенїе
33	13	прилипляются	прилѣпляются
93	21	Терпѣнїе	Теренїе
94	4	телесныхъ	тѣлесныхъ
101	2	перешли	перешли бы
101	4	лучше	лучшее
121	1	остропе стро	остро пестро

) o (

156147